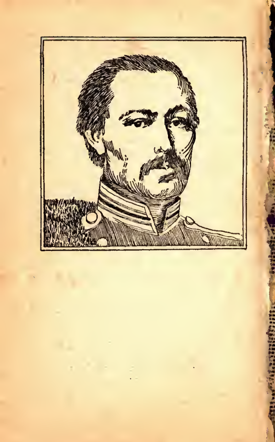


А. А. ФЕТ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Пермское книжное издательство
1985

Р1
Ф45

Печатается по изданию: А. А. Фет, Стихотворения, ГИХЛ, 1956.

Художник
И. Лаврова

Ф $\frac{70401-11}{М152(03)-85}$ 33—85

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) — замечательный русский поэт, чей творческий путь длился более полувека. Сложным был этот путь, неоднозначным отношение современников к стихам Фета. Но еще в середине прошлого века Л. Н. Толстой писал: «И откуда у этого добродушного... офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?»

«Лирической дерзостью» отмечены все лучшие стихи поэта, ставшие сегодня классикой: его философская, любовная, пейзажная лирика. Стихи Фета удивительно глубоки по чувству, передают тончайшие оттенки состояния души. Оживает, дышит, становится собеседником человека природа, близость к ней расширяется до пределов космического чувства. Сам Фет сознавал поэтическую силу и удивлялся тому, что он, смертный человек, носил

в груди «огонь сильней и ярче всей вселенной».

Этот огонь продолжает светить и сегодня, ибо был огнем поэзии высокой, истинной.

ЭЛЕГИИ И ДУМЫ

* * *

О, долго буду я, в молчанье ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьяненин, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

<1844>

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

<1844>

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожиданье с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, — и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь
«люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, —
и мне
Ты предаешься вся для страстного
лобзанья, —
О друг, как счастлив я,
как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового
свиданья!

<1847>

* * *

Постой! здесь хорошо! зубчатой
и широкой
Каймою тень легла от сосен
в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море
вал огромный
Придет — и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств,
властительница дум...
А там придет волна —
и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск
и шум!

<1847>, 1855

* * *

Странное чувство какое-то
в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим
существом:
Радость и светлая грусть,
благотворный покой и желанья
Детские, резвые — сам даже
понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно
на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер
ко мне довесет
Утренний запах цветов и птичек
звонкие песни —
Так бы и бросился в сад
с криком: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась
ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц
на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться,
а только
Всю озираю тебя, всю — от пробора
волос
До перекладины пялец, где вольно,
легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул
маленькой ножки носок.
Жалко... да нет — хорошо, что никто
не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила
сюда
Куклу свою показать. Право, мне
кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже
и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате
ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить
понимать!

Как отворялися двери, расслушать я мог,
что учитель
Каждый отдельный глагол прятал
и отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие —
не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь
ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить — состоянье,
еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай бог нам
вечно любить!

<1847>

* * *

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое
счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной
колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом
ресницы
Давно прочел давно — и разгадал
с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль,
веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен...
он — ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поёшь на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, — ты поёшь, ты блещешь
красотою.
Для взоров божество — сирена под водою.

Июль 1847

* * *

Ее не знает свет, — она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде
кротких глаз,
Что детства мирного последний
близок час.
Дохнет тепло любви, — младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив,
будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно
зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

<1847>

* * *

Эх, шутка-молодость! Как новый,
ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица
тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули?
Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет,
и печаль!..
Бегу! Далекие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображенье.
В сиянье полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистей и туже.
Бегу! Нигде огня, — соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.

<1847>

* * *

Лозы мои за окном разрослись
живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина
окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта;
меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть
начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему
этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку
на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают
соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно
былв.

<1847>

* * *

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем
не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-ревнивой
Сказала жизнь за нас последний
приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться
длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные
годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв
поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем
не страшусь.

<1847>

* * *

Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемощного полет;
Измученной души напрасный жар пройдет,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет младая грудь; замедленных
речей
Польется снова ток блистательный
и сладкой;
Ланиты расцветут — и в зеркало
украдкой
Невольно станет взор с вопросом
забегать, —
Опять весна в груди — и счастие опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:
В душе мечтательной смертельна
эта рана.
Видал ли ты в лесах под тенью дубов
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность
оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая
И, праздным юношам дриад жестоких
дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы — и в переливах
дыма
Еще быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьям вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, —
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит
медный.

<1854>

* * *

Не спится. Дай зажгу свечу.
К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной
страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах
мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.

За что ж? Что сделал я? Чем грешен
пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым
взором?

<1854>

* * *

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск
несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф средь
праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный
Дунай.

О боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой
чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!

1856

СМЕРТИ

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданье веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора — пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могуче зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

* * *

Целый заставила день меня промечтать
ты сегодня:
Только забудусь — опять ты предо
мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах
и улыбку;
Вновь позабудусь — и вновь листья
в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого
клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно
сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви
благодатной
Светит в лазурных очах мальчику
злому вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих ов
играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной силясь,
шалун, обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною
ручонкой,
Веткой левкоя тебя хочет ударить
другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадему
с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся
развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала
и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос
слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит
кудрявый упрямец?

Долго недаром вокруг белый порхал
мотылек:
Мне еще памятен образ Амура и нежной
Психеи!
Душу мою ты в свой мир светлый
опять унесла.

<1857>

ОДИНОКИЙ ДУБ

Смотри, — синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Все кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Все дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветр несет в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

<1856>

ИТАЛИЯ

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, —
Но не такой мечта тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши,
не вырость;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю — и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый,

И ящериц, мелькающих кругом,
И негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.

Между 1856 и 1858

НА РАЗВАЛИНАХ
ЦЕЗАРСКИХ ПАЛАТ

Над грудой мусора, где плющ
тоскливо вьется,
Над сводами глухих и темных галерей
В груди моей сильней живое сердце
бьется,
И в жилах кровь бежит быстрей.

Пускай вокруг меня тяжелые громады
Из праха восстают и храмы и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,

И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный свитой алтарь
горит,
И из-под новых врат златая колесница
К холму заветному спешит.

Нет! нет! не ослепишь души моей
тревожной!
Пускай я не дерзну сказать:
«Ты не велик»,
Но, Рим, я радуюсь, что грустный
и ничтожный
Ты здесь у ног моих поник!

Безжалостный квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный, подымал.

Законность измерял ты силою великой —
Что ж сиротливо так безмолвствуешь
теперь?

Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой
силы дикой,
Как устаревший хищный зверь.

И вот растерзаны блестящие одежды,
В тумане утреннем развалина молчит,
И трупа буйного, жестокого невежды
Слезой Камена не почтит.

Между 1856 и 1858

* * *

Пойду навстречу к ним знакомою тропою.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит,
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду; под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги
серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Ка́к в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная
вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? — В подобные
мгновенья
Вдали колеблются и звуки и виденья.
Нет, точно — издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

<1859>

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно
воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час,
когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку —
Как будто вне любви есть в мире
что-нибудь! —
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился
в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиленья
Шептать мне о любви, глядеть
в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

1859

* * *

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее безумную любовь.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветр мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь:

Где с дикой яблонью убором спорят слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.

Быть может — вечно вдаль с надеждой смотрят очи! —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там, наконец, я все, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

1857

* * *

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница, —
Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут под ногами толпы нелюдимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место.

<1882>

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что̀ шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

<1864>

* * *

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуяся и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой — и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я — я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

<1871>

* * *

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. —
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

4 ноября 1878

ALTER EGO[1]

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья,
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

Январь 1878

---

[1] Второе я (*лат.*).

СМЕРТЬ

«Я жить хочу! — кричит он,
дерзновенный, —
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним — бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, —
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь — базар крикливый бога,
То только смерть — его бессмертный храм.

1878

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность мы, — ты миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак
непроглядный
К тебе проснулся беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно
и светло».

22 ноября 1876

* * *

Die Gleichmä igkeit des Laufes
der Zeit in allen Köpfen beweist
mehr, als irgend etwas, dap
wir alle in denselben Traum
versenkt sind, ja da es Ein
Wesen ist, welches ihn trümt.
Schopenhauer[1]

I

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени
в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

---

[1] Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что все мы погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. Шопенгауэр (*нем.*).

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновенье
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозренье и в этом забвенье
Легко мне жить и дышать мне не больно.

II

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864

НИЧТОЖЕСТВО

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоем рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой,
Я все ищу добра — и нахожу лишь зло.

И дни сменяются утратой и заботой
(Не все ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг — и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? — Молчат и чувства и познанье.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты — это ведь я сам. Ты только отрицанье
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданье,
Куда ни обратись, — вопрос, а не ответ;
А я дышу, живу и понял, что в незнанье
Одно прискорбное, но страшного в нем нет.

А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким криком,
С каким я некогда твой берег покидал.

1880

ДОБРО И ЗЛО

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Все мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом —
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло как прах могильный
В толпы людские отпадет.

14 сентября 1884

СМЕРТИ

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок
томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце
бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный
призрак ты;
Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

<1884>

* * *

Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознаньем,
Что в звездный день твой светлый
серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный
и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, —
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

НИКОГДА

Проснулся я. Да, крыша гроба. — Руки
С усильем простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. — Да, это наяву! —
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину

И встал. Как ярок этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль
сомневаться? —
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги
сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушенье!
И руки опустились в изумленье.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Все понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
С чем связано? И в чем его призванье?

Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось
время?

Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!

Январь 1879

* * *

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась — кто скажет мне, куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, всё буйство первых дней
С их радостью — всё тише, всё ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

1864

* * *

О, этот сельский день я блеск его красивый
В безмолвии я чту.
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
Безумную мечту.

Лелеяла б душа в успокоенье томном
Неведомую даль
Но так нескромно все в уединенье скромном,
Что стыдно мне и жаль.

Пойдем ли по полю — мы чуждые тревоги,
И радует ходьба,
Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
Чужие все хлеба.

Идем ли под вечер, избегнувши селений,
Где все стоит в пыли,
По солнцу движемся — гляжу, а наши тени
За ров и в лес ушли.

Вот ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь,
А звезды, с высоты глядя на нас так явно,
Мигают, не стыдясь.

<1884>

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

<1884>

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

* * *

Солнце садится, и ветер утихнул
летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных
туч;
Вот на окраине дрогнул живой
и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий
луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных
стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо
гореть;
О, если б небо судило без тяжких
томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь,
умереть!

29 апреля 1883

* * *

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое — один жестокий бред,
Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощения, и примиренья нет!

29 мая 1884

* * *

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох —
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь и собственная тень.

<1884>

ТЕПЕРЬ

Мой прах уснет забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь,
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной повеем жизнью оба,
И ты и я — мы встретимся — теперь!

<1883>

* * *

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

<1884>

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Какой тут дышит мир! Какая славы
тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных
гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней
дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутит,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Счастливцы! Высшею пылали вы
любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись —
все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком и отец.

Из каменных гробов их голос вечно
слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий
так возвышен,
Что им завидовать грешно...

4 июня 1887

* * *

В степной глуши, над влагой молчаливой,
Где круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
На яркие плавучие цветы.

Они манят и свежестью пугают.
Когда к звездам их взорами прильну,
Кто скажет мне: какую измеряют
Подводные их корни глубину?

О, не гляди так мягко и приветно!
Я так боюсь забыться как-нибудь.
Твоей души мне глубина заветна:
В свою судьбу боюсь я заглянуть.

<1887>

* * *

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пенье голосистом;
Лишь соловьихи робких чад
Хрипливым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

1880

* * *

> Дух всюду сущий и единый.
>
> *Державин*

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Свою серебряную ризу.

Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

* * *

Прости — и все забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, —
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

26 декабря 1886

СВЕТОЧ

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.

Когда же вдруг из тучи мглистой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.

Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной,
Но, обежав меня лукаво,
Они смыкались за спиной.

Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит.

16 августа 1885

* * *

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

* * *

Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мне тайны поверяла.

Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь
сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится,

И, разлучась навеки, мы поймем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врозь стоять у двери
гроба.

9 июня 1887

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет
кругом
И страсти роковой вздымаются потоки. —
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи,
как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь
предел, —
Ужель ничто тебе в то время
не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

* * *

Все, все мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба.
Сюда! Сюда! не рабство здесь природе —
Она сама здесь верная раба.

17 июля 1887

* * *

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Странным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Всё бы, ах, всё бы с собою унесть!

22 августа 1887

* * *

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным
мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

28 октября 1887

* * *

В полу́ночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу пред ними я:
Оне — развенчанные боги.

Пред ними сердце вновь в тревоге
и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.

И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот пре́зренной молитвы.

Их снова ищет взор из-под усталых
вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их все еще дымится.

3 января 1888

* * *

Прости! во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один, —
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастия и сил.

Что за раздумье у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

* * *

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидать неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелося устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.

14 августа 1888

* * *

Устало все кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.

Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертною истомой!

24 августа 1889

УГАСШИМ ЗВЕЗДАМ

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком
вздоха!

6 мая 1890

ПОЭТАМ

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопенье.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных
и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

* * *

Хоть счастие судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном
и сладком сне
Дозволить мне любить вас пламенно
и нежно.

Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать
признанья?
Что стоит шелк ресниц склонить вам
в этот миг,
Чтоб не блеснул в очах огонь
негодованья?

Участья не прошу — могла б и ваша
грусть,
Хотя б притворная, родить во мне
отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
Прекрасный образ ваш набросит
на бумагу.

16 июня 1890

* * *

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотою
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
    Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
    Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцанье этом есть:
    Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
    Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони
                                        у крыльца!
    Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного
                                        лица!
    Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь
                                        глядя
    Из-за темнеющего сада, —
И кружится еще, приюта не найдя,
    Грачей встревоженное стадо.

15 декабря 1890

* * *

Опавший лист дрожит от нашего
движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости
сближенья,
Что этот желтый лист — наш следующий
день.

Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверных гонит
страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнущих
устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастии учиться вспоминать.

15 января 1891

* * *

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы — жизнь их осудила —
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.

3 февраля 1891

* * *

Нет, даже не тогда, когда, стопой
воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты
даришь
И, заглянув в глаза мечте моей
послушной
О беззаветности надежды говоришь, —

Нет, чтобы счастию нежданному
отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаяся
до дна,
Мне нужно одному с душой своей
остаться,
Молчанье нужно мне кругом и тишина.

Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про все, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнит о тебе.

19 февраля 1891

* * *

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг — так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

2 марта 1891

* * *

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что́, струей своей колышим,
Напевает нам фонтан.

— Я, и кровь, и мысль, и тело —
Мы послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы.

Мысль несется, сердце бьется,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
И заря потушит ночь.

7 июня 1891

* * *

О, как волнуюся я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно
хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
Восторга моего, быть может, не поймешь.

Внизу померкший сад уснул, — лишь
тополь дальный
Все грезит в вышине, и ставит лист
ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск
прощальный,
И чистым золотом и мелким серебром.

И верить хочется, что все, что так
прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот
миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.

12 августа 1891

* * *

Все, что волшебно так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы —
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

28 февраля 1892

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

* * *

Я люблю его жарко: он тигром в бою
Нападает на хищных врагов;
Я люблю в нем отраду, награду мою
И потомка великих отцов.

Кто бы ни был ты — странник простой
иль купец —
Ни овцы, ни верблюда не тронь!
От кобыл Мугаммеда его жеребец —
Что́ небесный огонь этот конь.

Только мирный пришлец нагибайся
в шатер
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку он ловок и скор:
Он бадья при колодце пустынь.

Будто месяц над кедром, белеет чалма
У него средь широких степей.
Я люблю, и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильней!

<1847>

* * *

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимний дождь не хлещет боле;
На горах опять стада,
И оратай вышел в поле.

Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален.

Целый мир пахну́л весной,
Тайный жар владеет девой;
Я прильну к твоей десной,
Ты меня обнимешь левой.

Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.

<1847>

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Небес и земли повелитель,
Творец плодотворного мира
Дал счастье, дал радость всей твари
Цветущих долин Кашемира.

И ра́вны все звенья пред Вечным
В цепи непрерывной творенья,
И жизненным трепетом общим
Исполнены чудные звенья.

Такая дрожащая бездна
В дыханье полудня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи.

Но там же, в саду мирозданья,
Где радость и счастье — привычка,
Забыты, отвергнуты счастьем
Кустарник и серая птичка.

Листов, окаймленных пилами,
Побегов, скрывающих спицы,
Боятся летучие гости,
Чуждаются певчие птицы.

Безгласная серая птичка
Одна не пугается терний,
И любят друг друга, — но счастья
Ни в утренний час, ни в вечерний.

И по небу веки проходят,
Как волны безбрежного моря;
Никто не узнает их страсти,
Никто не увидит их горя.

Однажды сияющий ангел,
Купаяся в безднах эфира,
Узрел и кустарник и птичку
В долине ночной Кашемира.

И нежному ангелу стало
Их видеть так грустно и больно,
Что с неба слезу огневую
На них уронил он невольно.

И к утру свершилоси чудо:
Краснея и млея сквозь слезы,
Склонилася к ветке упругой
Головка душистая розы.

И к ночи с безгласною птичкой
Еще перемена чудесней:
И листья и звезды трепещут
Ее упоительной песней.

Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий странник;
Мне чужие здесь цветы;
Страшны искры мне мороза.
Друг мой, роза, дева-роза,
Я б не пел, когда б не ты.

Она

Полночь — мать моя родная,
Незаметно расцвела я
На заре весны,
Для тебя ж у бедной розы
Аромат, краса и слезы,
Заревые сны.

Он

Ты так нежна, как утренние росы,
Что пред зарей несет земле восток;
Ты так светла, что поневоле слезы
Туманят мне внимательный зрачок;

Ты так чиста, что помыслы земные
Невольно мрут в груди перед тобой;
Ты так свята, что ангелы святые
Зовут тебя их смертною сестрой.

Она

Ты поешь, когда дремлю я.
Я цвету, когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.

Но ни грустя, ни мученья
Ты обманом не зови:
Где же песни без стремленья?
Где же юность без любви?

Он

Дева-роза, доброй ночи!
   Звезды в небесах.
Две звезды горят, как очи,
   В голубых лучах;

Две звезды горят приветно
   Нынче, как вчера;
Сон подкрался яезаметно...
   Роза, спать пора!

Она

Зацелую тебя, закачаю,
Но боюсь над тобой задремать:
На заре лишь уснешь ты; я знаю,
Что всю ночь будешь петь ты опять.

Закрываются милые очи,
Голова у мевя на груди.
Ветер, ветер с суровой полночи,
Не тревожь его сна, не буди.

Я сама притаила дыханье,
Только вежды закрыл ему сон,
И над спящим склоняюсь в молчанье:
Все боюсь, не проснулся бы он.

Ветер, ветер лукавый, поди ты,
Я умею сама целовать;

Я устами коснуся ланиты,
И мой милый проснется опять.

Просыпайся ж! Заря потухает:
Для певца золотая пора.
Дева-роза тихонько вздыхает,
Отпуская тебя до утра.

Он

Ах, опять к ночному бденью
Вышел звездный хор...
Эхо ждет завторить пенью...
Ждет лесной простор.

Веет ветер над дубровой,
Пышный лист шумит,
У меня в тени кленовой
Дева-роза спит.

Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предузнаю
И звездам, что ей приснится,
Громко пропою.

Она

Я дремлю, но слышит
Роза соловья;
Ветерок колышет
Сонную меня.

Звуки остаются
Все в моих листках;
Слышу, — а проснуться
Не могу никак.

Заревые слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою!

И во сне только любит и любит,
И от счастия плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.

Эти песни земле рассказали
Все, что розе приснилось во сне,
И глубоко, глубоко запали
Ей в румяное сердце оне.

И в ночи под землею коренья
Влагу ночи сосут да сосут,
А у розы росой умиленья
Бриллиантами слезы текут.

Отчего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца!

<1882>

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

С чем нас сравнить с тобою,
друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

<1882>

К ОФЕЛИИ

* * *

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

* * *

Я болен, Офелия, милый мой друг!
Ни в сердце, ни в мысли нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
Его одинокой могилы.
Душе раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

* * *

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.

* * *

Как ангел небес безмятежный,
В сиянье тихого огня
Ты помолись душою нежной
И за себя и за меня.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

<1843>

ВЕСНА

* * *

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

<1844>

* * *

Еще весна, — как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, — медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синеет,
А я иду — душистый холод веет
В лицо — иду — и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придет пора, — и скоро, может быть, —
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

<1847>

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит,
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

<1842>

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

<1854>

ПЧЕЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет все боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

<1854>

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

<1855>

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

<1854>

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг
и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

<1857>

* * *

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Все ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча и извиваясь
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.

А там по нивам на просторе
Река раскинулась как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

<1859>

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

1857

* * *

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.

Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, —
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.

Но крылами вешних птиц
Он свевает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

22 марта 1879

* * *

Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,
И все, что движется и дышит,
Задышит новою весной.

Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отстлых
Сегодня первый гром порвал.

<1882>

* * *

Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землей
Нежней небесная лазурь
И облаков воздушней рой,

Как той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
И погасать в ее огнях!

О, как мне весело следить
За пышным дымом туч сквозных —
И рад я, что не может быть
Ничто вольней и легче их.

1856

* * *

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли.

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля, —
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?

1872

* * *

Пришла, — и тает все вокруг,
Все жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Все, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Все, что ковало, — миновало.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

20 мая 1866

* * *

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.

12 декабря 1879

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. —
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой —
И в вечность улетим!

1870

* * *

Я ждал. Невестою-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багряницей,
И все ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

1860

* * *

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?

1883

* * *

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

<1884>

КУКУШКА

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! — вот утро — люби же
Все, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое, — ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздается трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

17 мая 1886

* * *

За горами, песками, морями —
Вечный край благовонных цветов,
Где, овеяны яркими снами,
Дремлют розы, не зная снегов.

Но красы истомленной молчанье
Там на все налагает печать,
И палящего солнца лобзанье
Призывает не петь, а дышать.

Восприяв опьянения долю
Задремавших лесов и полей,
Где же вырваться птичке на волю
С затаенною песнью своей?

И сюда я, где сумрак короче,
Где заря любит зорю будить,
В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь и любить.

Апрель 1891

ЛЕТО

* * *

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И как мечты почиющей природы
Волнистые проходят облака.

<1854>

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальнем колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими травáми,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

Конец 50-х

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Конец 50-х

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Всё тучки, тучки, а кругом
Все сожжено, все умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?

Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт, —
С небес нисходит жизни влага,
Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное — благо.

Я — ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живописные шлет тучи.

1866

* * *

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний пар от их котлов
Упитан ужином душистым.

Лиловым дымом даль поя,
В сиянье тонет дня светило,
И набежавших туч края
Стеклом горючим окаймило.

Уже подрезан, каждый ряд
Цветов лежит пахучей цепью.
Какая тень и аромат
Плывут над меркнущею степью!

В душе смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Под звездным пологом усни!

1864

ОСЕНЬ

ХАНДРА

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтенье
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Все такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

<1847>

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

<1854>

ПСОВАЯ ОХОТА

Последний сноп свезен с нагих полей,
По стоптанным гуляет жнивьям стадо,
И тянется станица журавлей
Над липником замолкнувшего сада.

Вчера зарей впервые у крыльца
Вечерний дождь звездами начал стынуть.
Пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть!

В поля! В поля! Там с зелени бугров
Охотников внимательные взоры
Натешатся на острова лесов
И пестрые лесные косогоры.

Уже давно, осыпавшись с вершин,
Осинников редеет глубь густая
Над гулкими извивами долин
И ждет рогов да заливного лая.

Семьи волков притон вчера открыт,
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вот русак сверкнул из-под копыт,
Все сорвалось — и заварилась каша:

«Отбей собак! Скачи наперерез!»
И красный верх папахи вдаль помчался;
Но уж давно весь голосистый лес
На злобный лай стократно отозвался.

<1858>

* * *

Вот и летние дни убавляются.
Где же лета лучи золотые?
Только серые брови сдвигаются,
Только зыблются кудри седые.

Нынче утром, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнул я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зарделось окошко.

Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, —
Знать, опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!

19 июня 1887

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

18 сентября 1886

* * *

Задрожали листы, облетая,
Тучи неба закрыли красу,
С поля буря ворвавшися злая
Рвет и мечет и воет в лесу.

Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна,
Светлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочет громов перекличка,
И шумящая мгла так черна...
Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.

13 июля 1887

СЕНТЯБРЬСКАЯ РОЗА

За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день быстролетный сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах
Как дерзко выступать царицей
С приветом вешним на устах.

Расцвесть в надежде неуклонной —
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть последней, опьяненной
К груди хозяйки молодой!

22 ноября 1890

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

СНЕГА

* * *

На пажитях немых люблю в мороз
трескучий
При свете солнечном я снега блеск
колючий,
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под темно-синим
льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные среди нагих полей,
Где холм причудливый,
как некий мавзолей,
Изваян полночью, — иль тучи
вихрей дальных
На белых берегах и полыньях
зеркальных.

<1842>, 1855

* * *

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий оттиск башмачка.

Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты недаром, друг мой,
Покидаешь ложе сна:

Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.

Но боюсь я, друг мой милый,
Как бы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложенную тобой.

<1842>

* * *

Вот утро севера — сонливое, скупое —
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь — и серый дым
ковром
Тихонько стелется над кровлею
с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый
на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись
за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, боже,
как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется... И долго,
мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

<1842>

* * *

Ветер злой, ветр крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается.

При луне на версте мороз —
Огонечками.
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.

Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.

<1847>

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

<1842>

* * *

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

<1842>

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

<1842>

* * *

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем, полость застегну я, —
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, — замолчу я,
И — пошел куда ни будь!

<1847>

* * *

На двойном стекле узоры
    Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
    И гостей унес;

Смолкнул яркий говор сплетней,
    Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
    Всё кругом меня.

Пред горящими дровами
    Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
    Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
    Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
    Ты утомлена.

Полон нежного волненья,
    Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
    Чистой красоты.

<1847>

* * *

Скрип шагов вдоль улиц белых,
  Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
  Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
  Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
  Занимает дух.

Ветер спит, и все немеет,
  Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
  На мороз дохнуть.

1858

* * *

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо — все одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

1864

* * *

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Начало 1862

У ОКНА

К окну приникнув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась — я с тобой
Помчаться по равнине снежной.

Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
И пыль жемчужную фонтана.

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.

Вдруг ты вошла, — я все узнал —
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как все верно подсказал
Мне на стекле узор мороза!

<1871>

* * *

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама наверно скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

9 декабря 1887

ГАДАНИЯ

* * *

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!

Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, сéребро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

<1842>

* * *

«Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон анбар».

«Чу! не стучите! кто-то шагает
Вдоль закромов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.

Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, всё обещает,
Только сердит».

«Ну, а тебе что?» — «Тише, сестрицы!
Что-то несут:
Так и трясутся все половицы...
Что-то поют;

Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! Знать, надо мною
Шут подшутил».

<1842>

* * *

Ночь крещенская морозна.
Будто зеркало — луна.
«Побегу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна».

«Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!» —
«Я с тобою, — за избою
Наводи да наводи!»

Ничего: пес рябый ходит,
Вот и серый у ворот...
И красавица наводит —
И никак не наведет.

«Вижу, вижу! потянулись:
Раз, два, три, четыре, пять...
Заструилиcь, покачнулись,
Стало только три опять.

Ну, захочет почудесить?
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя как чешуя...

Вот одиннадцать — всё лица!
Вот собаки лай и вой...
Чур меня!..» — «Ну что, сестрица?» —
«Раскрасавец молодой!»

<1842>

* * *

Помню я: старушка няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,

И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;

Но зато я так влюбился,
Что приходится невмочь...
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что, — не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?

Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

<1842>

* * *

Перекресток, где ракитка
И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
За плетнем скрыпит.

Кто-то крадется сторонкой,
Санки пробегут —
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»

<1842>

МЕЛОДИИ

* * *

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

<1842>

* * *

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую звездную ночь.

Друг мой! в сиянье ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

<1842>

* * *

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
    Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
    Я полон дум.

Я все с тобой, когда рука неволи
    Владеет мной —
И целый день, туманно ли, светло ли, —
    Я все с тобой.

Вот месяц всплыл в своем сиянье дивном
    На высоты,
И водомет в лобзанье непрерывном, —
    О, где же ты?

<1842>

* * *

Буря на нéбе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

<1842>

* * *

Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звезды очей.

Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья,
Она под парчою спала.

Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом.
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоем.

<1842>

NOTTURNO[1]

Ты спишь один, забыт на месте диком,
   Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
   Сова и нетопырь.

И стекол нет, и свищет вихорь ночи
   Во впадину окна,
Да плющ растет, да устремляет очи
   Полночная луна.

И кто-то там мелькает в свете лунном,
   Блестит его убор —
И слышатся на помосте чугунном
   Шаги и звуки шпор.

И грустную симфонию печали
   Звучит во тьме орган...
То тихо все, как будто вечно спали
   И стены и орган.

<1842>

---

[1] Ноктюрн (*итал.*).

* * *

Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, —
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?

Хоть вечер и близок, не бойся!
От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну —
Луна не в тумане, а звезд хоть
и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.

Хоть в сердце не веруй... хоть веруй
в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми —
И жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!

<1842>

* * *

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.

Только выше все всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
Ночь светла, как день.

<1842>

* * *

Если зимнее небо звезда́ми горит
И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой дивный
скользит,
Словно ты из лучей создана.

И светла и легка, ты несешься туда...
Я гляжу и молю хоть следов.
И светла и легка — но зато ни следа;
Только грудь обуяет любовь.

И летел бы, летел за красою твоей —
И пускай в небе звезды горят
И быстрей и светлей мириады лучей
На пылинки ночные глядят.

<1843>

* * *

Полуно́чные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут —
Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пес;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утес.

<1843>

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

<1843>

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

<1842>

* * *

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать, вас не услышать мне дважды!

Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?

Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвеченный уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?

<1844>

СЕРЕНАДА

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает —
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи —
Спи, мое дитя.

<1844>

* * *

За кормою струйки вьются,
Мы несемся в челноке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

Млечный Путь глядится в воду —
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу —
И луна бежит вослед.

Струйки вьются, песни льются,
Вторит эхо вдалеке,
И, дробяся, раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

<1844>

ФАНТАЗИЯ

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сиянье изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.

Листья полны светлых насекомых,
Все растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще... и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

<1847>

* * *

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы средь дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами
мелькнувшем,
Которого сердцу так жаль?
Не высмотреть вам, чего нет и что было,
Что сердце, тоскуя, в себе схоронило
На самое темное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
Что было так щедро дано!

<1846>

* * *

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.

Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне все сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

Август 1844

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Все крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

11 августа 1844

* * *

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

<1847>

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

<1847>

* * *

Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.

Скажу той звезде, что так ярко сияет, —
Давно не видались мы в мире широком,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначащим оком:

— Ты смотришь мне в очи. Ты пра́ва:
мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды
глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.

<1847>

* * *

Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною,
Как ребенок дремлет чистый, —
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

Конец 1856
или начало 1857

ТУМАННОЕ УТРО

Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах, полных мглой,
Туман недвижим голубой, —
Пусть твой восторг во мглу сердец
Такой кидает свет, певец!

И как у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,
Когда еще палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землей,
Росинка катится с листа, —
Пусть будет песнь твоя чиста.

Конец 1856
иля начало 1857

РИМСКИЙ ПРАЗДНИК

Не напевай тоскливой муки
И слезный трепет утиши,
Воздушный голос! — Эти звуки
Смущают кроткий мир души.

Вокруг светло. На праздник Рима
Взглянули ярко небеса —
И высоко-неизмеримa
Их светло-синяя краса.

Толпа ликует как ребенок,
На перекрестках шум и гул,
В кистях пунцовых, бодр и звонок,
По мостовой ступает мул.

В дыханье чары мимолетной
Уже ласкались вкруг меня
И радость жизни беззаботной
И свет безоблачного дня.

Но ты запел — и злые звуки
Смущают кроткий мир души...
О, не зови тоскливой муки
И слезный трепет утиши!

Конец 1856
или начало 1857

ЦВЕТЫ

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

<1858>

* * *

Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный
и смущенный,
Невольно я поникнул головой.

И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы —
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую — пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

<1858>

* * *

Все вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.

Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюся я.

1856

ПЕВИЦЕ

Уноси мое сердце в звенящую даль,
    Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
    Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
    Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
    Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
    Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
    Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
    Где кротка, как улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристым путем
    Я, как шаткая тень за крылом.

<1857>

БАЛ

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.

И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.

О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

1857

ANRUF AN DIE GELIEBTE
БЕТХОВЕНА [1]

Пойми хоть раз тоскливое призванье,
Хоть раз услышь души молящей стон!
Я пред тобой, прекрасное созданье,
Безвестных сил дыханьем окрылен.

Я образ твой ловлю перед разлукой,
Я, полон им, и млею, и дрожу,
И, без тебя томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, как счастьем, дорожу.

Ее пою, во прах упасть готовый.
Ты предо мной стоишь как божество —
И я блажен, я в каждой муке новой
Твоей красы провижу торжество.

---

[1] Призыв к любимой (*нем.*).

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
  И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
  Раскрасневшись, шатается ельник.

Я и думать забыл про холодную ночь, —
  До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
  Будто искры в дыму улетело.

Пусть на зорьке, все ниже спускаясь, дымок
  Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
  Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
  Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
  Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь — разгорится костер,
  И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
  Покраснев, зашатается ельник.

<1859>

* * *

Свеча нагорела. Портреты в тени.
  Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушке зевнулось. По окнам огни
  Прошли в те дальние комнаты.

Никак комара не прогонишь ты прочь, —
  Поет и к свету все просится.
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
  Куда душа переносится.

Подкрался, быть может, и смотрит в окно?
  Увидит мать — догадается;
Нет, верно, у старого клена давно
  Стоит в тени, дожидается.

<1862>

* * *

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки — бред неясный,
  Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
  Ласковые сны.

Звонким роем налетели,
Налетели и запели
  В светлой вышине.
Как ребенок им внимаю,
Что сказалось в них — не знаю,
  И не нужно мне.

Поздним летом в окна спальной
Тихо шепчет лист печальный,
  Шепчет не слова;
Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
  Никнет голова.

<1858>

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад.
Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны
в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви
иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука
не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных
и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу
вновь,
И веет, как тогда во вздохах этих
звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты
одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей
муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать
над тобой!

2 августа 1877

* * *

Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь — не слышишь, глядишь —
не глядишь?
Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.

— Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до яву́ мне прожгло.

Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах, верно сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.

Начало 1857

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Апрель 1873

* * *

Одна звезда меж всеми дышит
  И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
  И говорит:

Не суждено с тобой нам дружно
  Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
  Ни клятв, ни слов.

Не нам восторги и печали,
  Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
  Кто ты, кто я.

Чем мы горим, светить готово
  Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
  Не у людей.

<1882>

* * *

Истрепалися сосен мохнатые ветви
от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными
слезами,
Ни огня на земле, ни звезды
в овдовевшей лазури.
Все сорвать хочет ветер,
все смыть хочет ливень ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет
в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо
меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты
душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое
бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбаясь,
благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью,
этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух
возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным
не поверю!

Конец 60-х

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

* * *

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистей, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росою вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

1863

* * *

Забудь меня, безумец исступленный,
    Покоя не губи:
Я создана душой твоей влюбленной,
    Ты призрак не люби!

О, верь и знай, мечтатель малодушный,
    Что, мучась и стеня,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
    Тем дальше от меня.

Так над водой младенец, восхищенный
    Луной, подъемлет крик;
Он бросился — и с влаги возмущенной
    Исчез сребристый лик.

Дитя, отри заплаканное око,
    Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко,
    Она не здесь, а там.

1855

* * *

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови!

Старые песни, знакомые звуки,
Сон безответно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой! —
Доброю няней прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцветет!
Может быть, сердце утихнет больное
И, как дитя в колыбели, уснет.

Конец 1862

* * *

Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
Всесильным, таинственным счастьем.

И все, что лучом их случайным
Далеко иль близко объято,
Блаженством овеяно тайным —
И люди, и звери, и скалы.

Лишь мне, молодая царица,
Ни счастия нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.

1862

ROMANZERO

I

Знаю, зачем ты, ребенок больной,
Так неотступно все смотришь за мной,
Знаю, с чего на большие глаза
Из-под ресниц наплывает слеза.

Там у вас душно, там жаркая грудь
Разу не может прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабого страх,
Плавает коршун на темных кругах.

Только вот здесь, средь заветных
цветов,
Тень распростерла таинственный кров,
Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез.

22 июля 1882

II

Встречу ль яркую в небе зарю,
Ей про тайну мою говорю,
Подойду ли к лесному ключу,
И ему я про тайну шепчу.

А как звезды в ночи задрожат,
Я всю ночь им рассказывать рад;
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.

13 июля 1882

III

В страданье блаженства стою
пред тобою,
И смотрит мне в очи душа молодая.
Стою я, овеянный жизнью иною,
Я с речью нездешней, я с вестью
из рая.

Слетел этот миг, не земной.
не случайный,
Над ним так бессильны житейские грозы,
Но вечной уснет он сердечною тайной,
Как вижу тебя я сквозь яркие слезы.

И в трепете сердце, и трепетны руки,
В восторге склоняюсь пред чуждою
властью,
И мукой блаженства исполнены звуки,
В которых сказаться так хочется счастью.

2 августа 1882

IV

Вчерашний вечер помню живо:
Синели глубью небеса,
Лист трепетал, красноречиво
Глядели звезды нам в глаза.

Светились зори издалека,
Фонтан сверкал так горячо,
И Млечный Путь бежал широко
И звал: смотри! еще! еще!

Сегодня все вокруг заснуло,
Как дымкой твердь заволокло,
И в полумраке затонуло
Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давит мрак лесной, —
Я слышу плеск живой фонтана
И чую звезды над собой.

5 августа 1882

* * *

Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,

Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.

Только минем
Сумрак свода, —
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

1859

ШОПЕНУ

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки —
  Ты еще со мной!

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, —
И не нужно мне надежды:
  Этот час — он мой!

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое, —
Я на все, на все иное
  Отпылал, потух!

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки —
  Разорвется вдруг!

<1882>

РОМАНС

Злая песнь! Как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна!
До зари в груди дрожала, ныла
Эта песня — эта песнь одна.

И поющим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна;
Умереть хотелось с каждым звуком,
Сердцу грудь казалася тесна.

Но с зарей потухнул жар напевный
И душа затихнула до дна.
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.

<1882>

* * *

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастью не будет конца.

<1884>

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски-задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

В ЛУННОМ СИЯНИИ

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

27 декабря 1885

НА РАССВЕТЕ

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Дрогнуло птицы крыло...
Холодно, ясно, бело,
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

1 апреля 1886

* * *

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, —
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, —
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
Мне дыханье скажет, где ты.

10 апреля 1887

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что̀ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

* * *

Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое все по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.

Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, —
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 июля 1887

* * *

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блестки, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный — он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким
лишь воском!

25 апреля 1887

* * *

Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные —
По полям грядой.

Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И — вдвойне светло.
Уж не тени мрачные, —
Облака прозрачные
Смотрятся в стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты;
Вдруг сама, заветная,
Кроткая, приветная,
Улыбнулась ты.

19 сентября 1887

* * *

Не нужно, не нужно мне проблесков
счастья,
Не нужно мне слова и взора участья,
Оставь и дозволь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв все на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, —
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, — светила дневного
Боится крылатый певец? —
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, —
И счастью и песне конец.

4 ноября 1887

* * *

Гаснет заря в забытьи, в полусне.
Что-то неясное шепчешь ты мне;
Ласки твои я расслушать хочу, —
«Знаю, ах, знаю», — тебе я шепчу.

В блеске, в румяном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя, —
Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.

29 декабря 1888

* * *

Чуя внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающий зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.

30 января 1890

ВО СНЕ

Как вешний день твой лик приснился
 снова, —
Знакомую приветствую красу,
И по волнам ласкающего слова
Я образ твой прелестный понесу.

Сомнений нет, неясной нет печали,
Все высказать во сне умею я,
И мчит да мчит все далее и дале
С тобою нас воздушная ладья.

Перед тобой с коленопреклоненьем
Стою, пленен волшебною игрой,
А за тобой — колеблемый движеньем,
Неясных звуков отстающий рой.

26 апреля 1890

* * *

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Что́ с запретом всего несовместней —
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

7 июля 1890

* * *

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты, как легкое похмелье,
Проливаешь в песнь мою,

Иль — еще того чудесней —
За моей дрожащей песней
Тает дум невольных мгла,
И за то ли, оттого ли
До томления, до боли
Ты приветливо светла?

11 декабря 1890

* * *

Только месяц взошел
После жаркого дня, —
Распустился, расцвел
Цвет в груди у меня.

Что за счастье — любя,
Этот цвет охранять!
Как я рад, что тебя
Никому не видать!

Погляди, как спешу
Я в померкнувший сад —
И повсюду ношу
Я цветка аромат.

11 февраля 1891

* * *

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжкой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.

Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!

Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, — мы сидели под ивой плакучей
И плакали, плакали мы!

30 марта 1891

* * *

Люби меня! Как только твой покорный
Я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
Живой ковер.

Окрылены неведомым стремленьем,
Над всем земным
В каком огне, с каким самозабвеньем
Мы полетим!

И, просияв в лазури сновиденья,
Предстанешь ты
Царить навек в дыханье песнопенья
И красоты.

13 апреля 1891

ВЕЧЕРА И НОЧИ

* * *

Право, от полной души и благодарев
соседу:
Славная вещь — под окном
в клетке держать соловья.
Грустно в неволе певцу,
но чары сильны у природы:
Только прощальным огнем
озлатятся кресты на церквах
И в расцветающий сад за высоким,
ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать
выйдет соседка одна, —
Тени ночные в певце пробудят
желание воли,
И под окном соловей громко
засвищет любовь.
Что за головка у ней,
за белые плечи и руки!
Что за янтарный отлив
на роскошных извивах волос!
Стан — загляденье! притом какая
лукавая ножка!
Будто бы дразнит, мелькая...
Но вечер давно уж настал...
Что ж не поет соловей или что ж
не выходит соседка?..
Может, сегодня мы все трое
друг друга поймем.

<1842>

* * *

Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.

Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелися!
А берег во мраке пропал.

Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?..

<1842>

* * *

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего мне приятно скользить
по заливу
Так, — забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Все громче и громче.

Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это — жизнь или сон?

Счастлив я или только обманут?
Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И нá небе ясном высоко сверкает
зарница.

<1842>

* * *

Скучно мне вечно болтать о том,
что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только
к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой
побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных
и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких
стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью
с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную
сладость,
Только художник на всем чует
прекрасного след.

<1842>

* * *

Долго еще прогорит Веспера скромная
лампа,
Но уже светит с небес девы
изменчивый лик.
Тонкие змейки сребра блещут на влаге
уснувшей.
Звездное небо во мгле дальнего
облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру
послушно,
Скрыло богиню, и мрак сладостный
землю покрыл.

<1842>

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

<1842>

* * *

Здравствуй! тысячу раз мой привет
тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я
к окну...
Меня не видать, зато сам я все вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнёт, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее
запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать
покрывало.

<1842>

* * *

Друг мой, бессильны слова, —
одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело
мне наблюдать,
Как прилив в отлив мыслей и чувства
мешают
Ручке твоей поверять то
и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи,
покоряясь богине, —
Много и рифм у меня, много
размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных
лобзаний,
С нежной цезурою уст,
с вольным размером любви.

<1842>

* * *

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторией...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух.
А небо? А месяц?
О, этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпили́ и кресты — бриллианты;
А там, за луной, небосклон
Чем дальше — светлей и прозрачней.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленных часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колес
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает на вежды.
Светел, как призрак.
Голову клонит, — а жаль от окна
оторваться!

1863

* * *

Рад я дождю... От него тучнеет
мягкое поле,
Лист зеленеет на ветке и воздух
становится чище;
Зелени запах одну за одной из ульёв
многошумных
Пчел вызывает.
Но что для меня еще лучше,
Это — когда он ее на дороге
ко мне сгоняет!
Мокрые волосы, гладко к челу
прилегая,
Так и сияют у ней, — а губки
и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть
их своими устами.
Но нестерпим ты мне ночью бессонною,
Плювий Юпитер!
Лучше согласен я крыс и мышей
в моей комнате слушать,
Лучше колеса пускай гремят
непрестанно у окон,
Чем этот шум и удары глупых,
бессмысленных капель;
Точно как будто бы птиц проклятое
стадо
Сотнями ног и носов терзают
железную кровлю.
Юпитер Плювий, помилуй!
Расти сколько хочешь цветов ты
Для прекрасной я лавров юных
на кудри поэта,
Только помилуй — не бей по ночам
мне в железную кровлю!

<1842>

* * *

Слышишь ли ты, как шумит вверху
угловатое стадо?
С криком летят через дом
к теплым полям журавли,
Желтые листья шумят, в березнике
свищет синица.
Ты говоришь, что опять теплой
дождемся весны...
Друг мой! могу ль при тебе
дожидаться блаженства в грядущем?
Разве зимой у тебя меньше
ланиты цветут?..
В зеркале часто себя ты видишь,
с детской улыбкой
Свой поправляя венок; так разреши
мне сама,
Где у тебя на лице более жизни
и страсти:
Вешним ли утром в саду, в полном
сиянье заря,
Иль у огня моего, когда я боюсь,
чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла
ножки-малютки твоей?

<1842>

* * *

Каждое чувство бывает понятней мне
ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше
трепещет во мгле;
Самые звуки доступней, даже когда,
неподвижен,
Книгу держу я в руках,
сам пробегая в уме
Все невозможно-возможное,
странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц
смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоет —
и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь
им вполне.
Сердце в них находило всегда
какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи
омыты они.
Звук все тот же поет, но с каждым
порывом иначе:
То в нем меди тугой более,
то серебра.
Странно, что ухо в ту пору как будто
не слушая слышит;
В мыслях иное совсем, думы —
волна за волной...
А между тем еще глубже сокрытая сила
объемлет
Лампу, и звуки, и ночь,
их сочетавши в одно.
Так между влажно-махровых цветов
снотворного маку
Полночь роняет порой тайные
сны наяву.

<1843>

* * *

Любо мне в комнате ночью стоять
у окошка в потемках,
Если луна с высоты прямо глядит
на меня
И, проникая стекло, нарисует ква́драты
лучами
По полу, комнату всю дымом
прозрачным ооя,
А за окошком в саду, между листьев
сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким
проходит лучом
Между ветвями — и вниз ее золоченые
стрелы
Ярким стремятся дождем, иль
одинокий листок
Лунному свету мешает рассыпаться
по́ земи, сам же,
Светом осыпанный весь, черен
дрожит на тени.
Я восклицаю: блажен, трижды блажен,
о Диана,
Кто всемогущей судьбой в тайны
твои посвящен!

<1847>

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы,
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

<1847>

* * *

Что за вечер! А ручей
Так и рвется.
Как зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, —
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.

Так-то все весной живет!
В роще, в поле
Все трепещет и поет
Поневоле.

Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, —
Придут с песнью на устах
Наши дети;

А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

<1847>

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

<1850>

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная,
                                        как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в ложбине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

<1854>

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

<1855>

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

<1857>

* * *

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И все таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.

<1858>

КОЛОКОЛЬЧИК

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?

Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

1859

* * *

Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре —
Все же безмолвно горит их молитвы.

1883

* * *

Благовонная ночь, благодатная ночь,
   Раздраженье недужной души!
Все бы слушал тебя — и молчать мне невмочь
   В говорящей так ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
   И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались,
   Не мигая, смотреть в этот сад.

А уж месяц, что всплыл над зубцами аллей
   И в лицо прямо смотрит, — он жгуч;
В недалекой тени непроглядных ветвей
   И сверкает, и плещется ключ.

И меняется звуков отдельный удар;
   Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
   Напевая призывы любви.

Словно все и горит и звенит заодно,
   Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
Поглядеть в серебристую ночь.

28 апреля 1887

* * *

Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.

Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
В лицо мне заря задышала?

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 октября 1888

* * *

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только что́ вечно и чисто,
Что́ навеяно ею самой.

7 февраля 1889

БАЛЛАДЫ

ЗМЕЙ

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

<1847>

ЛИХОРАДКА

«Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.
Все как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».

«Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко — знаешь сам».

«Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»

«Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит
И пойдет тебя трепать».

«Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы —
Лихорадка ли она?»

<1847>

ГЕРО И ЛЕАНДР

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
Волн кочующих родник.

Тихо. Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море —
чья победа?
Иль в зыбях, вторая Леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?

Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,
Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.

Меркнет день;
из крайней тучи
Вдоль пучины ветр летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.

Где ж он, Геро?
С бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
Волн кочующий родник.

<1847>

ТАЙНА

Почти ребенком я была,
Все любовались мной:
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.

Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.

Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.

Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.

И помню, стало мне вокруг
При нем все так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.

Летели дни... промчался год...
Настал последний час —
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.

И долго, долго мне пришлось
И плакать и грустить,
Но я боялася о нем
Кого-нибудь спросить.

Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».

И с этих пор — он снова мой,
    В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
    Целует при других.

Все говорят, что яркий цвет
    Ланит моих — больной.
Им не узнать, как жарко их
    Целует милый мой!

<1842>

ВОРОТ

«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса, —
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.

Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать,
Не спеши же класть поклоны,
Богородицу читать!

Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятся уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».

«Отчего же, няня, надо?» —
«Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.

Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.

Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт — и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;

А закрыта душка, спрячет
Душку ворот — мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.

Над тобой господня сила!
Дай, я ворот распущу.
Уж подушку я крестила —
И тебя перекрещу».

<1847>

* * *

На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар.
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.

Няня старая не видит
И не слышит — все прядет:
Мочку левою пощиплет,
Правой нитку отведет.

А ребенок все играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.

Вот задумалася няня,
Со свечи нагар сняла
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.

«Дай-ка ручки!» Няня хочет
Посмотреть на их черты.
«Что, на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»

Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вот заплакала — и плачет
Мальчик, глядя на нее.

<1842>

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.

Странен лик его суровый,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.

«Разгуляйся в поле», — сыну
Говорит старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стременами
Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.

Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.

Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.

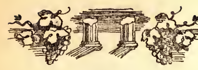
Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;

Вдруг пещеру за оврагом
  Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
  Старец находил,
И к пустынному жилищу
  Князь поворотил.

Годы страсти, годы спора
  Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
  Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
  К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился —
  И махнул рукой.

<1843>

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



ГРЕЦИЯ

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой.
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял
свой купол белый
И по колоннам вверх
кудрявый плющ бежит, —
Мне грустно: мир богов,
теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полнòчь,
как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини
не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, — ставши в тесный круг,
красавицы шептали...
«Эллада!» — слышалось мне часто
в тишине.

<1840>

* * *

Когда петух,
Ударив три раза
Крылом золотистым,
Протяжною песнью
Встречает зарю
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре,
Тогда поэт...
Нет! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.

Чу! Слышу, вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,
Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! слышу, слышу, —
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:
Они мне велели
В земных страданьях
Искать исцеленья

У Вакха. Наполним
Стаканы — и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.

<1840>

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

<1843>

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, —
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник,
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, — она пойдет с колчаном
и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный
славы град,
На желтоводный Тибр, на группы
колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор
недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

<1847>

* * *

Влажное ложе покинувши, Феб
 златокудрый направил
Быстрых коней, Фаэтонову гибель,
 за розовой Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом
 озирался, и тотчас
Бойкие взоры его устремились
 на берег пустынный.
Там воскурялся туман благовонною
 жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало;
 разбитая лодка,
Дном опрокинута вверх, половиной
 в воде, половиной
В утреннем воздухе, темной смолою
 чернела — и тут же,
Влево, разбросаны были обломки еловые
 весел,
Кожаный щит и шелом опрокинутый,
 полные тины.
Дальше, когда порассеялись волны
 тумана седого,
Он увидал на траве, под зеленым
 навесом каштана
(Трижды его обежавши, лоза окружала
 кистями), —
Юношу он на траве увидал: белоснежные
 члены
Были раскинуты, правой рукою как будто
 теснил он
Грудь, и на ней-то прекрасное тело
 недвижно лежало,
Левая навзничь упала, и белые формы
 на темной
Зелени трав благовонных во всей
 полноте рисовались;
Весь был разодран хитон, округлые
 бедра белели,
Будто бы мрамор, принявший изгибы
 от рук Праксителя,

Ноги казали свои покровенные прахом
подошвы,
Светлые кудри чела упадали на грудь,
осеняя
Мертвую силу лица
и глубоко-смертельную язву.

<1847>

КУСОК МРАМОРА

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор начатый,
Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить:
Что одевает кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик,
Змей примирителя — жезл, крылья и стан быстроногий,
Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?

<1847>

* * *

С корзиной, полно-о цветов, на голове
Из сумрака аллей она на свет ступила, —
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;

Но и под тенью узнаешь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки —
По светлому зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.

<1847>

НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, — ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого
блещет.
Нет пределов
Кверху и нет пределов
Книзу.

Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй, Нептун!
Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями?
Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.
Ты промчался, пронесся, мелькнул
и сокрылся,
А я!

Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? — Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

<1847>

К ЮНОШЕ

Друзья, как он хорош за чашею вина!
Как молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лет, его живые взоры,
Ланиты нежные, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнев —
Все обещает в нем любимца зорких дев.

<1847>

* * *

Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля
приглашенью,
Ты наш вечерний пир вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей
И яства сочные с их паром благовонным,
Отрадно-лакомым гулякам утонченным,
И — отчих кладовых старинное добро —
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветерок ночной, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И ученица муз Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая, как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой,
безотрадной...
Я наливал вчера рукою беспощадной, —
Но вспоминал тебя, и знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.

<1847>

* * *

В златом сиянии лампады полусонной
И отворя окно в мой садик благовонный,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я легкую кудрей ее игру:
Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало...

<1843>

* * *

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге
созерцает.
Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет
ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге
гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох
слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, —
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...

<1847>

К КРАСАВЦУ

Природы баловень, как счастлив ты
судьбой!
Всем нравятся твой рост, и гордый
облик твой,
И кудри пышные, беспечностью завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд
зубов,
И огненный зрачок, я бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да, он мой — его отдайте
мне!»
Как сон младенчества, как первые
лобзаньи
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести в их памяти живешь,
Улыбкам учишь их и к зеркалу зовешь;
Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.

<1841>

СОН И ПАЗИФАЯ

Ярко блестящая пряжка над белою полною
грудью
Девы хариты младой — ризы вязала
концы,
Свежий венок прилегал к высоко
подвязанным косам,
Серьги с подвеской тройной с блеском
качались в ушах,
Сзади вились по плечам, умащенные
сладкою амброй,
Запах далеко лия, волны кудрей
золотых.
Тихо ступала нога круглобедрая.
Так Пазифаю
Юноша Сон увидал, полон желанья
любви.
Крепкой обвита рукой, покраснела
харита младая,
Но возрастающий жар вежды
прекрасной сомкнул,
И в упоенье любви на цветы опускаясь,
дева,
Члены раскинув с кудрей свой
уронила венок.

<1842>

АМИМОНА

«Это у вас, на севере, все нипочем!
Посмотри-ка,
Чей там, в дали голубой, парус,
как чайка, блеснул?
Ты только белую точку завидел, —
а я различила
Снасти и пестрый наш флаг. Это
отцовский корабль!
Знать, старику надоела в Наксосе жена
молодая...
Мать говорила, что он скоро
вернется домой,
В Наполи-ди-Романию. Полно вечерней
порою
В рощу лавровую мне тайно к тебе
приходить!
Ах, любовь только губит нас, девушек!» —
«Милая, полно!
В этих словах две вины: город
родной назвала
Ты Наполи-ди-Романьей: это названье —
чужое.
Можно ли в нашей стране девам
пенять на любовь?
Здесь она города созидала; по храмам
и рощам
Сладостный жар не остыл в гнездах
ее голубей.
Знаешь ты, как основался ваш город?
Гонимый Египтом,
С целой толпою детей в Грецию
прибыл Данай.
В Арголиде, томясь жестокою жаждой,
изгнанник
Всех пятьдесят дочерей ключ
отыскать разослал.
Долго блуждали они, одинокие. Вдруг
Амимона
Неосторожной стопой будит Сатира
в лесу.

Нет пощады! — Сатир догоняет пугливую, обнял...
Но над беглянкою бог верным трезубцем взмахнул.
Быстро, как горный олень, умчался Сатир козлоногий —
Мимо его просвистав, в землю трезубец впился.
«Амимона! — сказал Нептун, — подай мне трезубец!»
Дева, горя от стыда, дернула ловкой рукой.
Чудо! вслед за зубцами железными почва сухая
Чистых, как горный кристалл, три извергает ключа.
Навплия сына Нептуну затем понесла Амимона —
Город ваш Навплию он, смелый пловец, заложил».

ДИАНА, ЭНДИМИОН И САТИР
(картина Брюллова)

У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети.
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;
Собаки верные встревожены — оне
Не видят смертного и чуют приближенье.
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар
объемлет.
Диана, берегись! старик Сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв
венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим
лицом,
Обезображенным порывом страсти
зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся
дерзкой.
О, как вздрогну́ла ты, как обернулась
вдруг!
В лице божественном и гордость и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист
кленовый.

1855

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Auch ich war in Arkadien
Shiller[1]

Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобивый человек.

Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн эгейских с высоты.

Под пихтою душистой и красивой
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно верить, что Сатурн ревнивый
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.

И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горючим,
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.

Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Все празднично кругом.
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей
Идут, махая весело хвостом.

А вот и он, красавец ненаглядный,
Среди толпы ликующих — Лией,

[1] И я был рожден в Аркадии. Шиллер (*нем.*)

Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной —
Бессмертною избраиницей своей.

У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.

Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И, хохоча в смятенье полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.

1856

ДАКИ

Вблизи семи холмов, где так невыразимо
Воздушен на заре вечерний очерк Рима
И светел Апеннин белеющих туман,
У сонного Петра почиет Ватикан.
Там боги и цари толпою обнаженной,
Создания руки, резцом вооруженной,
Готовы на пиры, на негу иль на брань,
Из цезарских палат, из храмов и из бань
Стеклись безмолвные, торжественные лики,
На древние ступя, как прежде, мозаики,
В которых на конях Нептуновых Тритон
Чернеет, ликами Химеры окружен.
Там я в одной из зал, на мраморах,
у входа,
Знакомые черты могучего народа
Приветствовал не раз. Нельзя их
не узнать:
Все та же на челе безмолвия печать,
И брови грозные, сокрытых сил примета,
И на устах вопрос, — и нет ему ответа.
То даки пленные; их странная судьба —
Одна безмолвная и грозная борьба.
Вперя на мрамор взор, исполненный
вниманья,
Я в сердце повторял родимые названья
И мрамору шептал: «Суровый славянин,
Среди тебе чужих зачем ты здесь один?
Поверь, ни женщина, ни раб,
ни император
Не пощадят того, кто пал как гладиатор.
По мненью суетных, безжалостных гуляк,
Бойцом потешным быть родился дикий
дак.
И, чуждые для них поддерживая троны,
Славяне составлять лишь годны легионы.
Пускай в развалинах умолкнет Колизей,
Чрез длинный ряд веков, в глазах иных
судей,
Куда бы в бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать — вот доля славянина.

Когда потомок твой, весь в ранах
и в крови,
К тому, кого он спас, могучие свои
Протянет руки вновь, прося рукопожатья,
Опять со всех сторон подымутся
проклятья,
И с подлым хохотом гетера закричит:
«Кончай! кончай его! — он дышит,
он хрипит;
Довольно сила рук, безмолвие страданий
Невольных вызвали у нас рукоплесканий!
(Как эти варвары умеют умирать!)
Пойдемте! Кончено! Придется долго
ждать
Борьбы таких бойцов иль ярой львиной
драки.
Пойдемте! Что смотреть, как цепенеют
даки!»

1 декабря 1856

ТЕЛЕМАК
У КАЛИПСЫ

Солнце низко.
                    Легкой мглою
Вечер долы напояет.
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает.
Сын Улисса озабочен.

Смолкли нимфы.
                    Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный.
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна.

Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея;
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.

На душе и стыд,
                    и горе·
Как осмелиться богине
Рассказать свою кручину?
«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне
Все забуду, что покину?»

Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,
Но безмолвна, как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом
И, склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О, Зевес! Зачем же лира
Так бессильна— дар, любимый
Златовласым Аполлоном?
Иль зачем, владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам?

<1857>

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сняв наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

1856

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИР
(группа Ставассера)

Постой хотя на миг! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Еще невинная, бежа от вакханалий,
Готова уронить одну ты из сандалий.
Но вот, косматые колена преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня.
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир, и молодой, — не отрок непорочный!
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою уста его и взоры!
Быть может, нехотя ты ищешь в нем
опоры,
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо.
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна;
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но отчего, скажи, — в созданье ль
красоты
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко.
Иль страсть, горящая в сатире молодом,
Пахнула и в тебя томительным огнем?

<1859>

СОН И СМЕРТЬ

Богом света покинута, дочь Громовержца немая,
Ночь Гелиосу вослед водит возлюбленных чад.
Оба и в мать и в отца зародились бессмертные боги,
Только несходны во всем между собой близнецы:
Смуглоликий, как мать, творец, как всезрящий родитель,
Сон и во мраке никак дня не умеет забыть;
Но просветленная дочь лучезарного Феба дыханьем
Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увенчавши свое чело неподвижной звездою,
Не узнает ни отца, ни безутешную мать.

1858 или 1859

МОРЕ

* * *

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будет утомленный
Спать с Фетидой Феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

1854

* * *

Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли, —
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь, настала ночь.

1854

МОРСКОЙ ЗАЛИВ

Третью уж ночь вот на этом холме
за оврагом
Конь мой по звонкой дороге пускается
шагом.
Третью уж ночь миновав эту старую
иву,
Сам я невольно лицом обращаюсь
к заливу.
Только вдали, потухая за дымкою
сизой,
Весь в ширину он серебряной светится
ризой.
Спит он так тихо, что ухо, исполнясь
вниманья,
Даже средь камней его не уловит
дыханья.
В блеск этот душу уносит волшебная
сила...
Что за слова мне она в эту ночь
говорила!
Сколько в веселых речах прозвучало
привета!
Сколько в них сердце почуяло неги
и света!
Ах, что за ночь! Тише, конь мой!
Куда торопиться?
Рад и сегодня я сном до зари
не забыться!

1855

ВЕЧЕР У ВЗМОРЬЯ

Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,
Тишина леса объемлет,
Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.

Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,
Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озаренном.

1854

* * *

Как хорош чуть мерцающим утром,
Амфитрита, твой влажный венок!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!

Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив,
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.

Остров вырос над тенью зеленой;
Ни движенья, ни звука в тиши,
И, погнувшись над влагой соленой,
В крупных каплях стоят камыши.

1857

* * *

Морская даль во мгле туманной;
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к прибрежью моему.

Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу.

К ней чайка плавная спустилась, —
Не дрогнет острое крыло.
Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло;

Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту —
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.

1857

ПРИБОЙ

Утесы. Зной и сон в пустыне,
Песок да звонкий хрящ кругом,
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.

На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал;

И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит,
И преломленный и лазурный;
Но вот преграда — он кипит,

Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой
И, умирающий, все страшев
Всей перейденной глубиной.

1856 или 1857

НА КОРАБЛЕ

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1856 или 1857

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То прянет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

1854

ПОСЛЕ БУРИ

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. —
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

1870

* * *

Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. — Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.

И новые росли во мгле,
Росли к небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.

А нынче — как моя душа,
Волна светла, — и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена
И задрожал весь хор небесный.

1864

МОРЕ И ЗВЕЗДЫ

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалася бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалася звездной.

Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебною силою веяло в душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилося горе,
Как будто бы звезды тебя победили.

1859

* * *

Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными
споря.

В каком-то забвенье, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваяся неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь
в побеге.

И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.

17 февраля 1891

* * *

Барашков буря шлет своих,
Барашков белых в море,
Рядами ветер гонит их
И хлещет на просторе.

Малютка, хоть твоя б одна
Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
Чернея, не вскипела!

Как жаль тебя! Но об одном
Подумать так обидно,
Что вот за мглою и дождем
Тебя не станет видно.

6 августа 1892

ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

ПАМЯТИ Д. Л. КРЮКОВА

Когда светильником пред нашими очами
Ко храму римских муз ты озарял ступень
И чудилося нам невольно, что над нами
Горация витает тень, —

Впервые тихие и радостные слезы
Исторгнул дышащий из уст твоих певец:
Пленили нас его неблекнущие розы
И зеленеющий венец.

В замолкнувший чертог к Минерве
и к Зевесу
Вслед за тобой толпа ликующая шла, —
И тихо древнюю ты раздвигал завесу
С громодержащего орла.

Но светоч твой угас. Надежного союза
Судьба не обрекла меж нами и тобой —
И, лиру уронив, поникла молча муза
В слезах над урной гробовой.

1855

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнущие ночи,
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилося мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, —
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя — но в думах окрыленных
С тобой мы встретилися, друг!

О, верь, что никогда в объятьях
раскаленных
Не мог таких ночей, вполне
разоблаченных,
Лелеять сладострастный юг!

1856

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою
ошибкой,
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты с язвительной
улыбкой
На благородный подвиг свой.

Судьба тебя тоской непраздной
истерзала,
В измученной груди волшебный голос
жив:
В нем слышен жар любви, в нем жажда
идеала
И сердца смелого порыв.

Так, навсегда простясь с родимою
скалою,
Затерянный в песках рассыпчатых степей,
Встречает путников, томящихся от зною,
Из камня брызнувший ручей.

1856

ТУРГЕНЕВУ

Прошла зима, затихла вьюга, —
Давно тебе, любовник юга,
Готовим тучного тельца;
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.

Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,
Вот улыбнулися антики,
И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.

Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.

Там всё тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленей,
И, верно, чуя, что просторней, —
Смелей, и слаще, и задорней
Весенний свищет соловей.

Начало 1858

А. Ф. БРЖЕСКОМУ

Из смертных, жизнью пресыщенных,
Кто без отравы чашу пил?
От всех подонков возмущенных
Язык мой горечь сохранил.

И та, чей нежный зов участья
С земли мечты мои вознес,
Мне подавая кубок счастья,
В него роняла капли слез.

К чему по прихоти мгновенной
Тревожить мертвых сон святой!
До дна тот кубок вдохновенный
Скупой отравлен был судьбой.

Лишь ты один, ты не скупился,
По сердцу брат мой, Алексей!
Коль чашей счастья ты делился, —
Делился чистой, полной, всей.

Вот почему, за юность нашу
Хваля харит, я не грешу
И дружбы общую нам чашу
К устам с восторгом подношу.

1866

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце
вдохновенье. —
Прочь этот сон, — в нем
слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что́ жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.

28 января 1879

ЕЙ ЖЕ

Опять весна! опять дрожат листы
С концов берез и на макушке ивы.
Опять весна! опять твои черты,
Опять мои воспоминанья живы.

Весна! весна! о, как она крепит,
Как жизненной нас учит верить силе!
Пускай наш добрый, лучший друг
наш спит
В своей цветами убранной могиле, —

Он говорит: «Приободрись и ты:
Нельзя больной лелеять два недуга».
Когда к нему ты понесешь цветы,
Снеси ему сочувствие от друга.

Минувшего нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не довериться,
Хоть смерть в виду, а все же нужно
жить;
А слово: жить — ведь значит:
покоряться.

1879

ЕЙ ЖЕ

Нет, лучше голосом ласкательно
обычным
Безумца вечного, поэта, не буди;
Оставь его в толпе ненужным
и безличным
За шумною волной безмолвному идти.

Зачем уснувшего будить к тоске
бессильной?
К чему шептать про свет, когда
кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров
могильный
С того, что спать навек в груди
обречено?

Ведь это прах свитой затихшего
страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
Ведь это тернии колючего венца!

1 апреля 1886

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Где средь иного поколенья
Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
Я ваших уст.

Мне все сдается: миновали
Восторги роз,
Цветы последние увяли:
Побил мороз.

И безуханна, бесприветна
Тропа и там,
Где что-то бледное заметно
По бороздам.

Но знаю, в воздухе нагретом,
Вот здесь со мной,
Цветы задышат прежним летом
И резедой.

24 декабря 1889

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.

И вот, исполнен обаянья
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
Закат любви благословлять.

Хоть меркнет жизнь моя бесследно,
Но образ твой со мной везде;
Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде.

1866

К ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ
С. А. ТОЛСТОЙ

И вот портрет! И схоже и несхоже.
В чем сходство тут, несходство в чем найти?
Не мне решать; но можно ли, о боже,
Сердечнее, отраднее цвести?

Где красота, там споры не у места:
Звезда горит — как знать, каким огнем?
Пусть говорят: «Тут девочка-невеста,
Богини мы своей не узнаем».

Но все толпой коленопреклоненной
Мы здесь упасть у ваших ног должны,
Как в прелести и скромной и нетленной
Вы смотрите на наши седины.

27 апреля 1885

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Я не у вас, я обделен!
Как тяжело изнеможенье;
У вас — порывы, блеск, движенье,
А у меня — не бред, а сон.

Какое счастье хоть на миг
Взлюбоваться жизни далью,
Призыв заслышать над роялью, —
Я все признал бы и постиг.

Я б снова трепет ощутил,
Целебной силой с прежним схожий;
Я б верил вновь, что ангел божий
Пришел и воду возмутил.

28 мая 1886

Е. Д. ДУНКЕР

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой
ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает
рука, —
Муза раскроет и сердце и запах цветка:
Я расскажу, что тебя беспредельно
люблю, —
Муза поведает, что я за муки терплю.

17 января 1883

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Как ястребу, который проснделл
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий щурят
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, —
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. — Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

Конец октября
или начало ноября 1875

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ ПРИ ПОЯВЛЕНИИ РОМАНА «ВОЙНА И МИР»

Была пора — своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской простор меня пленял;
Я дорожил и в тишь и в бури
То негой тающей лазури,
То пеной у прибрежных скал.

Но вот, о море, властью тайной
Не все мне мил твой блеск случайный
И в душу просится мою;
Дивясь красе жестоковыйной,
Я перед мощию стихийной
В священном трепете стою.

23 апреля 1877

ПОЛОНСКОМУ

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мне опять напомнил дни,
Когда, не зная мысли пленной,
Ты вынес, отрок дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

1883

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

В минувшем жизнь твоя богата,
Звенел залог бесценный в нем:
Сам рассказал ты, что когда-то
Любил и пел ты соловьем.

Кто ж не пленен влюбленной птицей,
Весной поющей по ночам?
Но как поэт — ты мил сторицей
Тебе внимающим друзьям.

26 августа 1890

В АЛЬБОМ Н. Я. ПОЛОНСКОЙ

Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки?
Но появиться рад мой стих
Там, где кругом цветы и краски.

Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
Хоть им дивлюсь, не поучаю.

20 июня 1890

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Прошла весна — темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
Томит безветренные нивы.

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный;
Опять сухую грудь земли
Взрезает конь и вол покорный.

Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
И дышит полночью нездешней.

Как сладко труженик смущен,
Весны заслыша зов единый!
Как улыбнулся он сквозь сон
Под яркий посвист соловьиный!

<1866>

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой бог с пречистою
Мадонной!

<1842>

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
    В нашей стороне;

Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
    И — опять хандра...

<1843>

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит;
Дремлет лев святого Марка,
И царица моря спит.

По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.

Звезд сияют мириады,
Чутко в воздухе ночном;
Осребренные громады
Вековым уснули сном.

<1847>

* * *

Полно спать: тебе две розы
Я принес с рассветом дня.
Сквозь серебряные слезы
Ярче нега их огня.

Вешних дней минутны грозы,
Воздух чист, свежей листы...
И роняют тихо слезы
Ароматные цветы.

<1847>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ СЕРДЦУ

Сердце — ты малютка!
Угомон возьми...
Хоть на миг рассудка
Голосу внемли.
Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, господь с тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся к ране —
Станет подживать;
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка —
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придет,
Сядет, молодая,
Песни запоет:
«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни в покое...
Баюшки-баю!»

Что ж ты повернулось?
Прежней няни жаль?
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,
Даром что пою?
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать, —

Колыбельку эту
Надо променять.
Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.
Перестанешь биться —
И навек в раю, —
Только будет сниться:
Баюшки-баю!

<1843>

* * *

Я знал ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она
Казалась вся из резвости лукавой
И скромности румяной сложена.

И в те лета какой-то круг влеченья
Был у нее и звал ее ласкать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

Я знал ее красавицей; горели
Ее глаза священной тишиной, —
Как светлый день, как ясный звук
свирели,
Она неслась над грешною землей.

Я знал его — и как она любила,
Как искренно пред ним она цвела,
Как много слез она ему дарила,
Как много счастья в душу пролила!

Я видел час ее благословенья, —
Детей в слезах покинувшую мать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

1844

* * *

О, не зови! Страстей твоих так звонок
    Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
    Я так привык!

Передо мной дай волю сердцу биться
    И не лукавь,
Я знаю край, где все, что может сниться,
    Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
    Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
    И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбегу колесница,
    Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
    Лежит в пыли.

Я это знал — с последним увлеченьем
    Конец всему;
Но самый прах с любовью,
                                        с наслажденьем
    Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
    И не лукавь!
Я знаю край, где все, что может сниться,
    Трепещет въявь.

И не зови — но песню наудачу
    Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу —
    И за тобой!

<1847>

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

<1843>

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь — но только песня зреет.

<1843>

ДЕРЕВНЯ

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар.

Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;

На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;

И милой застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;

Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек;
И речи замедленный ход;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!

<1842>

* * *

Ах, дитя, к тебе привязан
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной.

Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сиянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за светлое созданье!

<1843>

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

1843

* * *

Люди спят: мой друг, пойдем
в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам
глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит — песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

<1853>

* * *

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.

Что звало жить, что силы горячило —
Далеко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землей.

И на тебя, как на воспоминанье,
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно все окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.

<1853>

НА ДНЕПРЕ
В ПОЛОВОДЬЕ
(А. Я. П-вой)

Светало. Ветер гнул упругое стекло
Днепра, еще в волнах не пробуждая
звука.
Старик отчаливал, опершись на весло,
А между тем ворчал на внука.

От весел к берегу кудрявый след бежал;
Струи под лодкой закипели;
Наш парус, медленно надувшись,
задрожал,
И мы как птица полетели.

И ярким золотом
и чистым серебром
Змеились облаков прозрачных очертанья;
Над разыгравшимся, казалось,
Днепром
Струилися от волн и трав благоуханья.

За нами ме́льница едва-едва видна
И берег поснел зеленый...
И вот под лодкою вздро нувшей
быстрина
Сверкает сталью вороненой...

А там затопленный навстречу
лес летел...
В его зеркальные врывалися заливы;
Над сонной влагою там тополь зеленел,
Белели яблони и трепетали ивы.

И под лобзания немолкнущей струи
Певцы, которым лес да волны лишь
внимали,
С какой-то негою задорной соловьи
Пустынный воздух раздражали.

Вот изумрудный луг, вот желтые пески
Горят в сиянье золотистом;
Вон утка крадется в тростник, вон кулики
Беспечно бегают со свистом...
Остался б здесь дышать, смотреть и слушать век...

<1853>

* * *

Над озером лебедь в тростник протянул,
 В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
 Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
 Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. — Вечерний мой путь
 Краснел меж деревьев вдали.

А мы — мы на лодке сидели вдвоем,
 Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
 Нас в лодке как в люльке несло.

И детская челн направляла рука
 Туда, где, блестя чешуей,
Вдоль сонного озера быстро река
 Бежала как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...
 Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
 Куда нас потоком несло!

<1854>

СОСНЫ

Средь кленов девственных и плачущих
берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.

В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут,
не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.

Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны
и возрожденья, —
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.

<1854>

БОЛЬНОЙ

Его томил недуг. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди.
Его томил напев бессмысленных речей,
Ему противны стали люди.

На стены он кругом смотрел как на тюрьму,
Он обращал к окну горящие зеницы,
И света божьего хотелося ему —
Хотелось воздуха, которым дышат птицы.

А там, за стеклами, как чуткий сон легки,
С востока яркого все шире дни летели,
И солнце теплое, морозам вопреки,
Вдоль крыш развесило капели.

Просиживая дни, он думал все одно:
«Я знаю, небеса весны меня излечут...»
И ждал он: скоро ли весна пахнёт в окно
И там две ласточки, прижавшись, защебечут?

<1855>

В САДУ

Приветствую тебя, мой добрый, старый
сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно,
Хватает за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что там, в лесу,
мне будет грустно.

Как будто с трепетом здесь каждого
листа
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И стаят лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть.

И скажут: «Помним мы, как ты играл
и рос,
Мы помним, как потом, в последний
час разлуки,
Венком из молодых и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословляли руки.

Скажи: где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали?»
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял — и все они увяли.

А вы — вы молоды и пышны до конца.
Я рад — и радости вполне вкусить
не смею;
Стою как блудный сын перед лицом отца,
И плакать бы хотел — и плакать не умею!

<1854>

* * *

В долгие ночи, как вежды на сон
не сомкнуты,
Чудные душу порой посещают минуты.
Дух окрылен, никакая не мучит утрата,
В дальней звезде отгадал бы
отбывшего брата!
Близкой души предо мною все ясны
изгибы:
Видишь, как были, — и видишь,
как быть мы могли бы!
О, если ночь унесет тебя в мир
этот странный,
Мощному духу отдайся, о друг мой
желанный!
Я отзовусь — но, внемля бестелесному
звуку,
Вспомня меня, как невольную помнят
разлуку!

1851

* * *

Не спрашивай, над чем задумываюсь я:
Мне сознаваться в том и тягостно
и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь минувших лет уносится
невольно.

Сиянье прелести тогда в свой круг
влекло:
Взглянул — и пылкое навстречу сердце
рвется!
Так голубь, бурею застигнутый, в стекло,
Как очарованный, крылом лазурным
бьется.

А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной,
Но сердце глупое, как ветхие часы,
Коли забьет порой, так всё свой час
заветный.

Я помню, отроком я был еще; пора
Была туманная. сирень в слезах дрожала;
В тот день лежала мать больна,
и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала.

Не мчались ласточки, звеня,
перед окном,
И мошек не толклись блестящих
вереницы,
Сидели голуби, нахохлившись, рядком,
И в липник прятались умолкнувшие
птицы.

А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась
как подвеска,
Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте, —
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.

Тот плач давно умолк, — кругом
и смех и шум;
Но сердце вечно, знать, пугаться
не отвыкнет;
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный
ум...
И трепещу — вот-вот зловещий ворон
крикнет.

<1854>

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Со степи зелено-серой
Подымается туман,
И торчит еще Церерой
Ненавидимый бурьян.

Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба взрезанной земли.

Чем-то блещут свежим, нежным
Солнца вешние лучи,
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Ветерок благоухает
Сочной почвы глубиной, —
И Юпитера встречает
Лоно Геи молодой.

<1854>

* * *

Ты расточительна на милые слова,
А в сердце мне не шлешь отрадного
привета
И втайне думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду; я жду, нельзя ли
превозмочь
Твоей холодности подметить миг
участья,
Чтобы в глазах твоих, загадочных
как ночь,
Затрепетали звезды счастья.

Я жду, я жажду их; мечтателю в ночи
Сиянья не встречать пышнее
и прелестней,
И знаю — низойдут их яркие лучи
Ко мне и трепетом и песней.

<1854>

ЛЕС

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор
И день права свои утратил.
В глухой дали стучит топор,
Вблизи стучит вертлявый дятел.

У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнем
Прижался заяц серебристый,
А на сосне, поросшей мхом,
Мелькает белки хвост пушистый.

И путь заглох и одичал,
Позеленелый мост упал
И лег, скосясь, во рву размытом,
И конь давно не выступал
По нем подкованным копытом.

<1854>

* * *

Какое счастие: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит
звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом
слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! — я страсти
не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

<1854>

* * *

Что за ночь! Прозрачный воздух скован;
Над землей клубится аромат.
О, теперь я счастлив, я взволнован,
О, теперь я высказаться рад!

Помнишь час последнего свиданья!
Безотраден сумрак ночи был;
Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчал: тебя я не любил.

Холодела кровь, и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было,
И сказать мне правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу и млею
И, как раб, твой каждый взор ловлю,
Я не лгу, назвав тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю!

<1854>

СТАРЫЙ ПАРК

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листы,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.

Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают.
Полузатертые чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.

Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Виясь как желтый змей, бежит на дно долины.

И солнце вырвалось из тучи, и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.

Один. Ничьих шагов не слышу за собой.
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.

Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает
И, медленно скользя по выгнутой черте,
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.

1853

МУЗА

Не в сумрачный чертог наяды говорливой
Пришла она лелеять мой слух
самолюбивый
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованых и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой золотой иль из кости
слоновой,
Ни разу на моем не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой епанче.
Мне слуха не ласкал язык ее могучий,
И гибкий, и простой, и звучный
без созвучий.
По воле Пиерид с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца.
О нет! Под дымкою ревнивой покрывала
Мне музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;
Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались
поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.

<1854>

* * *

Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

<1845>

* * *

Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...
О, скоро ли в безмолвии ночном,
Прекрасный друг, увижусь я с тобою?

О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?

Скользит туман прозрачный над рекой,
Как твой покров, свиваясь и белея...
Час фей настал! Увижусь ли с тобой
Я в царстве фей, мечтательная фея?

Иль заодно с тобой и ночь и мгла
Меня томят и нежат в заблужденье?
Иль это страсть больная солгала
И жар ночной потухнет в песнопенье?

<1855>

* * *

В по́ру любви, мечты, свободы,
В мерцаянье розового дня
Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня.

Я забавлялся над словами,
Что будто по душе иной
Проходит злоба полосами,
Как тень от туч громовой.

Настало время отрезвляться,
И долг велел — в немой борьбе
Навстречу людям улыбаться,
А горе подавлять в себе.

Я побеждал. В душе сокрыта,
Беда спала... Но знал ли я,
Как живуча́, как ядовита
Эдема старая змея!

Находят дни, — с самим собою
Бороться сердцу тяжело,
И духа злобы над душою
Я слышу тяжкое крыло.

<1855>

ИВА

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, гляди, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

<1854>

* * *

О друг, не мучь меня жестоким
приговором!
Я оскорбить тебя минувшим не хочу.
Оно пленительным промчалось метеором...
С твоим я встретиться робел и жаждал
взором
И приходил молчать. Я и теперь молчу.

Добра и красоты в чертах твоих слиянье
По-прежнему еще мой подкупает ум.
Я вижу — вот оно, то нежное созданье,
К которому я нес весь пыл, все упованье
Безумных, радостных, невысказанных дум.

Но помнишь ли? — весной гремела песнь
лесная
И кликал соловей серебряные сны;
Теперь душистей лес, пышнее тень
ночная,
И хочет соловей запеть, как утром мая...
Но робко так не пел он в первый день
весны.

<1855>

ПРИМЕТЫ

И тихо и светло — до сумерек далеко;
Как в дымке голубой и небо и вода, —
Лишь облаков густых с заката до востока
Лениво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и светло; но ухом напряженным
Смятенья и тоски ты крики разгадал:
То чайки скли́кались над морем
усыпленным
И, в воздухе кружась, летят
к навесам скал.

Ночь будет страшная, и буря будет злая,
Сольются в мрак и гул и небо и земля...
А завтра, может быть, вот здесь
волна седая
На берег выбросит обломки корабля.

Середина 50-х гг.

* * *

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.

<1853>

РЕВЕЛЬ

(после представления Фрейшица)

Театр во мгле затих. Агата
В объятьях нежного стрелка.
Еще напевами объята,
Душа светла — и жизнь легка.

Все спит. Над тесным переулком,
Как речка, блещут небеса,
Умолк на перекрестке гулком
Далекий грохот колеса.

И с каждым шагом город душный
Передо мной стесняет даль;
Лишь там, на высоте воздушной,
Блестит балкон, поет рояль...

И с переливом серебристым,
С лучом, просящимся во тьму,
Летит твой голос к звездам чистым
И вторит сердцу моему.

1855(?)

ПАРОХОД

Злой дельфин, ты просишь ходу,
Ноздри пышут, пар валит,
Сердце мощное кипит,
Лапы с шумом роют воду.

Не лишай родной земли
Этой девы, этой розы;
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенные продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей —
Только пляшут вереницей
Нереиды за тобой.

1854

ЗНАКОМКЕ С ЮГА

На север грустный с пламенного юга,
Прекрасных дней прекрасная подруга,
Ты мне привет отрадный принесла.
Но холодом полночным все убило,
Что сердце там так искренно любило
И чем душа так радостно цвела.

О, как бы я на милый зов ответил
Там, где луны встающий диск так
светел,
Где солнца блеск живителен и жгуч,
Где дышит ночь невыразимой тайной
И теплятся над спящею Украйной
В лучах лазурных звезды из-за туч,

И грезит пруд, и дремлет тополь сонный,
Вдоль туч скользя вершиной заостренной,
Где воздух, свет и думы — заодно,
И грудь дрожит от страсти неминучей,
И веткою все просится пахучей
Акация в раскрытое окно!

<1854>

* * *

Вчера, увенчана душистыми цветами,
Смотрела долго ты в зеркальное окно
На небо синее, горевшее звездами,
В аллею тополей с дрожащими листами, —
В аллею, где вдали так страшно и темно.

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей, и нежные слова...
Когда помчался вальс и струны рокотали, —
Я видел — вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты: «Вон там, в беседке дальной,
На мраморной скамье теперь он ждет меня
Под сумраком дерев, ревнивый и печальный;
Он взоры утомил, смотря на вихорь бальный,
И ловит тень мою в сиянии огня».

<1855>

* * *

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

<1856>

ИВЫ И БЕРЕЗЫ

Березы севера мне милы, —
Их грустный, опущённый вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.

Но ива, длинными листами
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.

Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.

<1843>, <1856>

У КАМИНА

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

1856

СЕСТРА

Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу!?
Боже, зачем хороша так сестра,
Что перед ней я себя ненавижу!

Голос его, прерываясь, дрожал;
Даже в сердцах я его проводила, —
Образ сестры предо мною стоял...
Так я всю ночь по аллее ходила.

В спальню вошла я; она уж спала.
Месяц ей кудри осыпал лучами.
Я не могла устоять — подошла
И, наклонясь, к ней прильнула устами.

Как хороша, как светла и добра!
Нет, и сравненьем ее не обижу!
Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу!?

<1857>

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ

За лесом лес и за горами горы,
За темными лилово-голубые,
И если долго к ним приникнут взоры,
За бледным рядом выступят другие.

Здесь темный дуб и ясень изумрудный,
А там лазури тающая нежность...
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность.

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

Октябрь 1856

МУЗЕ

Надолго ли опять мой угол посетила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этот раз собою воплотила?
Чьей речью ласковой сумела подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факел
вдохновенный.
Пой, добрая! В тиши признаю голос твой
И стану, трепетный, коленопреклоненный,
Запоминать стихи, пропетые тобой.

Как сладко, позабыв житейское волненье,
От чистых помыслов пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вечно девственным словам твоим
внимать.

Пошли, небесная, ночам моим бессонным
Еще блаженных снов и славы и любви,
И нежным именем, едва произнесенным,
Мой труд задумчивый опять благослови.

<1857>

РЫБКА

Тепло на солнышке. Весна
    Берет свои права;
В реке местами глубь ясна,
    На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
    Слежу за поплавком, —
Шалунья рыбка, вижу я,
    Играет с червяком.

Голубоватая спина,
    Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна,
    Багряное перо.

Идет, не дрогнет под водой,
    Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
    Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
    Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
    Повиснешь на крючке!

<1858>

* * *

Был чудный майский день в Москве;
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

Я под окном сидел, влюблен,
Душой и юн и болен.
Как пчелы, звуки вдалеке
Жужжали с колоколен.

Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдаленье;
Невольно дрогнула душа
При этом стройном пенье.

И шел и рос поющий хор, —
И непонятной силой
В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой.

И шел и рос поющий хор, —
И черною грядою
Тянулся набожно народ
С открытой головою.

И миновал поющий хор,
Его я минул взором,
И гробик розовый прошел
За громогласным хором

Струился теплый ветерок,
Покровы колыхая,
И мне казалось, что душа
Парила молодая.

Весенний блеск, весенний шум,
Молитвы стройной звуки —
Все тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.

За гробом шла, шатаясь, мать.
Надгробное рыданье! —
Но мне казалось, что легко
И самое страданье.

<1857>

* * *

В леса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносят сны
В твою приветливую келью.

В благоуханье простоты,
Цветок — дитя дубравной сени,
Опять встречать выходишь ты
Меня на шаткие ступени.

Вечерний воздух влажно чист,
Вся покраснев, ты жмешь мне руки,
И, сонных лип тревожа лист,
Порхают гаснущие звуки.

1856 (?)

НА ЛОДКЕ

Ты скажешь, брося взор по голубой
равнине:
«И небо, и вода».
Здесь остановим чели, по самой
середине
Широкого пруда.

Буграми с колеса волненье
не клокочет, —
Чуть-чуть блестят струи.
Так тихо, будто ночь сама подслушать
хочет
Рыдания любви.

До слуха чуткого мечтаньями ночными
Доходит плеск ручья.
Осыпана кругом звездами золотыми,
Покоится ладья.

Гляжу в твое лицо, в сияющие очи,
О добрый гений мой!
Лицо твое — как день, ты вся
при свете ночи —
Как призрак неземной!

Теперь, волшебница, иной могучей
власти
У неба не проси.
Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл
безумной страсти
Возьми — и погаси!

<1856>

* * *

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнёт ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи, —
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грезы,
Для которых — всё блеск впереди;
Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

1856 (?)

* * *

Расстались мы, ты странствуешь далече,
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.

Когда в толпе живой и своевольной,
Поникнув головой,
Смолкаешь ты с улыбкою невольной, —
Я говорю с тобой.

И вечером, когда в аллее темной
Ты пьешь немую ночь,
Знай, тополи и звезды негой томной
Мне вызвались помочь.

Когда ты спишь, и полог твой кисейный
Раздвинется в лучах,
И сон тебя прозрачный, таховейный
Уносит на крылах,

А ты, летя в эфир неизмеримый,
Лепечешь: «Я люблю», —
Я — этот сон, — и я рукой незримой
Твой полог шевелю.

1857

* * *

Я был опять в саду твоем,
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея.

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени, —
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильней благоуханье;
Зато какая тишина,
Какое томное молчанье!

Один зарею соловей,
Таясь во мраке, робко свищет,
И под навесами ветвей
Напрасно взор кого-то ищет.

Июнь 1857

ГРЕЗЫ

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я и в грезы погружен;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.

Я счастья жду, какого — сам не знаю.
Вдруг колокол — и все уяснено;
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках. — Вот оно!

И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостней всех голосов земли;
И чувствую — на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И, на волне ликующего звука
Умчася вдаль, во мраке потонуть.

<1859>

МОТЫЛЕК МАЛЬЧИКУ

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шелковою сеткой?

Дитя кудрявое, любимый нежно сын
Неувядающего мая,
Позволь мне жизнию упиться день один,
На солнце радостном играя.

Постой, оно уйдет, и блеск его лучей
Замрет на западе далеком,
И в час таинственный я упаду в ручей,
И унесет меня потоком.

<1860>

* * *

Молчали листья, звезды рдели —
И в этот час
С тобой на звезды мы глядели,
Они — на нас.

Когда все небо так глядится
В живую грудь,
Как в этой груди затаится
Хоть что-нибудь?

Все, что хранит и будит силу
Во всем живом,
Все, что уносится в могилу
От всех тайком,

Что чище звезд, пугливей ночи,
Страшнее тьмы,
Тогда, взглянув друг другу в очи,
Сказали мы.

14 ноября 1859

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло,
И предо мной твой облик нежный
И детски чистое чело.

Полны смущенья и отваги,
С тобою, кроткий серафим,
Мы через дебри и овраги
На змее огненном летим.

Он сыплет искры золотые
На озаренные снега,
И снятся нам места иные,
Иные снятся берега.

В мерцанье одинокой свечки,
Ночным путем утомлена,
Твоя старушка против печки
В глубокий сон погружена.

Но ты красою ненаглядной
Еще томиться мне позволь;
С какой заботою отрадной
Лелеет сердце эту боль!

И, серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят.

И, как цветы волшебной сказки,
Полны сердечного огня,
Твои агатовые глазки
С улыбкой радости и ласки
Порою смотрят на меня.

Конец 1859
или начало 1860

* * *

Кричат перепела, трещат коростели,
    Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьев над речкою вдали
    Звучат порывистые трели.

В напевах вечерв тревожною душой
    Ищу былого наслажденья —
Увы, как прежде, в грудь живительной струей
    Они не вносят откровенья!

Но тем мучительней, как близкая беда,
    Меня томит вопрос лукавый:
Ужели подошли к устам моим года
    С такою горькою отравой?

Иль век смолкающий в наследство передал
    Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
    Из рук переходивший в руки?

Проходят юноши с улыбкой предо мной,
    И слышу я их шепот внятный:
Чего он ищет здесь средь жизни молодой
    С своей тоскою непонятной?

Спешите, юноши, и верить и любить,
    Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора, — и скоро, может быть,
    Мое наступит возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
    На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирен,
    Я стану вечным гражданином.

<1859>

ГЕОРГИНЫ

Вчера — уж солнце рдело низко —
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.

Как много пылких или томных,
С наклоном бархатных ресниц,
Веселых, грустных и нескромных
Отвсюду улыбалось лиц!

Казалось, нет конца их грезам
На мягком лоне тишины, —
А ныне утренним морозом
Они стоят опалены.

Но прежним тайным обаяньем
От них повеяло опять,
И над безмолвным увяданьем
Мне как-то совестно роптать.

<1859>

* * *

Если ты любишь как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь, —
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь.

О, не считай их! в них, силой
волшебной,
Каждый порыв переполнен тобою;
Так в роднике за струею целебной
Прядает влага горячей струею.

Пей, отдавайся минутам счастливым, —
Трепет блаженства всю душу обнимет;
Пей — и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет.

<1859>

* * *

Еще акация одна
С цветами ветви опускала
И над беседкою весна
Душистых сводов не скругляла.

Дышал горячий ветерок,
В тени сидели мы друг с другом,
И перед нами на песок
День золотым ложился кругом.

Жужжал пчелами каждый куст,
Над сердцем счастье тяготело,
Я трепетал, чтоб с робких уст
Твое признанье не слетело.

Вдали сливалось пенье птиц,
Весна над степью проносилась.
И на концах твоих ресниц
Слеза нескромная светилась.

Я говорить хотел — и вдруг,
Нежданным шорохом пугая,
К твоим ногам, на ясный круг
Спорхнула птичка полевая.

С какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мне, глаза твои
Не улетать ее молили.

Сказать «прости» чему-нибудь
Душе казалося утратой...
И, собираясь упорхнуть,
Глядел на нас наш гость крылатый.

<1859>

* * *

Тихонько движется мой конь
По вешним заводям лугов,
И в этих заводях огонь
Весенних светит облаков.

И освежительный туман
Встает с оттаявших полей.
Заря, и счастье, и обман —
Как сладки вы душе моей!

Как нежно содрогнулась грудь
Над этой тенью золотой!
Как к этим призракам прильнуть
Хочу мгновенною душой!

1862 (?)

* * *

Чем тоске, и не знаю, помочь:
Грудь прохлады свежительной ищет,
Окна настежь, уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливается-свищет.

Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.
Точно думы всё те же и в нем,
Точно судит меня он с певцом, —
Не проронит ни вздоха, ни трели.

На заре только клонит ко сну,
Но лишь яркий багрянец замечу —
Разгорюсь — и опять не усну.
Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу.

1862

ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ

Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нем солнца луч
И качался,
Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нем звездный хор
Повторялся.

Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
Бледно-красный.
Долго, долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасной.

Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
Мне грозящий, —
Оглянулся — чудный вид:
Старый ключ пробил гранит
И над бездною висит,
Весь кипящий!

<1870>

* * *

Отчего со всеми я любезна,
Только с ним нас разделяет бездна?
Отчего с ним, хоть его бегу я,
Не встречаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свет возненавижу?
Отчего, как с ним должна остаться,
Так и рвусь над ним же издеваться?
Отчего — кто разрешит задачу? —
До зари потом всю ночь проплачу?

<1882>

ОСЕНЬЮ

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

1870 (?)

* * *

В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где все нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам.

Для мира путь к нему заглохнет, —
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
Чем путь укажет мой язык.

Скажи же — как, при первой встрече,
Успокоительно светла,
Вчера — о, как оно далече! —
Живая ты в него вошла?

И вот отныне поневоле
В блаженной памяти моей
Одной улыбкой нежной боле.
Одной звездой любви светлей.

1867

КЛЮЧ

Меж селеньем и рощей нагорной
Вьется светлою лентой река,
А на храме над озимью черной
Яркий крест поднялся в облака.

И толпой голосистой и жадной
Все к заре набежит со степей,
Точно весть над волною прохладной
Пронеслась: освежись и испей!

Но в шумящей толпе ни единый
Не присмотрится к кущам дерёв,
И не слышен им зов соловьиный
В реве стад и плесканье вальков.

Лишь один в час вечерний, заветный,
Я к журчащему сладко ключу
По тропинке лесной, незаметной,
Путь обычный во мраке сыщу.

Дорожа соловьиным покоем,
Я ночного певца не спугну
И устами, спаленными зноем,
К освежительной влаге прильну.

1870

* * *

Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас,
Тем сердцу моему дороже,
Дитя, с тобой крылатый час.

Я лет не чувствую суровых,
Когда в глаза ко мне порой
Из-под ресниц твоих шелковых
Заглянет ангел голубой.

Не в силах ревности мятежность
Я победить и скрыть печаль, —
Мне эту девственную нежность
В глазах толпы оставить жаль!

Я знаю, жизнь не даст ответа
Твоим несбыточным мечтам,
И лишь одна душа поэта —
Их вечно празднующий храм.

1861 (?)

* * *

Толпа теснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бегущий с плеч
атлас.
Я знаю: «завтра» ты невнятно
прошептала;
Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз.

А он? С усилием сложил он накрест
руки,
Стараясь подавить восторг в груди
своей,
И часа позднего пророческие звуки
Смешались с топотом помчавшихся коней.

Казались без конца тебе часы ночные;
Ты не смежила вежд горячих на покой.
И сильфы резвые и феи молодые
Всё «завтра» до зари шептали
над тобой.

<1860>

* * *

Встает мой день, как труженик убогой,
И светит мне без силы и огня,
И я бреду с заботой и тревогой.

Мы думой врозь, — тебе не до меня.
Но вот луна прокралася из саду,
И гасит ночь в руке дрожащей дня

Своим дыханьем яркую лампаду.
Таинственным окружена огнем,
Сама идешь ты мне принесть отраду.

Забыто все, что угнетало днем,
И, полные слезами умиленья,
Мы об руку, блаженные, идем,

И тени нет тяжелого сомненья.

1865 (?)

* * *

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли — и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

1865 (?)

* * *

Блеском вечерним овеяны горы.
Сырость и мгла набегают в долину.
С тайной мольбою подъемлю я взоры:
«Скоро ли холод и сумрак покину?»

Вижу на том я уступе румяном
Сдвинуты кровель уютные гнезды;
Вон засветились под старым каштаном
Милые окна, как верные звезды.

Кто ж меня втайне пугает обманом:
«Сердцем, как прежде, ты чист ли
и молод?
Что, если там, в этом мире румяном,
Снова охватит и сумрак и холод?»

<1866>

* * *

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому ее воображенью.

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

<1865>

* * *

Напрасно!
Куда ни взгляну я, встречаю везде
неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан
всечасно;
Тебе улыбаюсь, а внутренно горько
я плачу,
Напрасно.

Разлука!
Душа человека какие выносит мученья!
А часто из них намекнуть лишь
достаточно звука.
Стою как безумный, еще не постиг
выраженья:
Разлука.

Свиданье!
Разбей этот кубок: в нем капля надежды
таится.
Она-то продлит и она-то усилит
страданье,
И в жизни туманной все будет
обманчиво сниться
Свиданье.

Не нами
Бессилье изведано слов к выраженью
желаний.
Безмолвные муки сказалися людям
веками,
Но очередь наша, и кончится ряд
испытаний
Не нами.

Но больно,
Что жребии жизни святым побужденьям
враждебны;

В груди человека до них бы добраться
довольно...
Нет! вырвать и бросить; те язвы,
быть может, целебны, —
Но больно.

<1852>

КУПАЛЬЩИЦА

Игривый плеск в реке меня остановил.
Сквозь ветви темные узнал я над водою
Ее веселый лик, — он двигался,
он плыл, —
Я голову признал с тяжелою косою.

Узнал я и наряд, взглянув на белый
хрящ,
И превратился весь в смущенье
и тревогу,
Когда красавица, прорвав кристальный
плащ,
Вдавила в гладь песка младенческую
ногу.

Она предстала мне на миг во всей
красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у лилии стыдливой.

<1865>

* * *

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебных сновидений
И, юностью сияя заревой,
Ждешь от меня похвал и песнопений.

Как ярко ты и нежно ни гори
Над каменным угрюмым Мемноном, —
На яркие приветствия зари
Он отвечать способен только стоном.

1865

РОЗА

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенели,
Что весна опять пришла.
Гнется в зелени береза,
И тебе, царица роз,
Брачный гимн поет пчела.

Вижу, вижу! счастья сила
Яркий свиток твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Мир любви передо мной.

Если б движущий громами
Повелел между цветами
Цвесть нежнейшей из богинь,
Чтоб безмолвною красою
Звать к любви, когда весною
Темен лес и воздух синь, —

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятав в сердце тайны неба
И с безмолвьем на челе,
В час блаженный расцветанья
Больше страстного признанья
Не поведали б земле.

1864 (?)

ТОПОЛЬ

Сады молчат. Унылыми глазами
С унынием в душе гляжу вокруг;
Последний лист разметан под ногами,
Последний лучезарный день потух.

Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный
свой недуг
И, трепеща по-прежнему листами,
О вешних днях лепечешь мне как друг.

Пускай мрачней, мрачнее дни
за днями
И осени тлетворный веет дух;
С подъятыми ты к небесам ветвями
Стоишь один и помнишь теплый юг.

1859

* * *

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный, —
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

1873 (?)

* * *

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи!
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи!

Хоть на заре, хотя мгновенно
Средь набежавших туч видна,
Она так явно, так нетленно
На небе теплилась одна.

Любовь, участие, забота
Моим очам дрожали в ней
В степи, с речного поворота,
С ночного зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлет мне луч ее нигде,
Как у корней плакучей ивы,
В твоем саду, в твоем пруде.

<1863>

* * *

Я уезжаю. Замирает
В устах обычное «прости».
Куда судьба меня кидает?
Куда мне грусть мою нести?

Молчу. Ко мне всегда жестокой
Была ты много, много лет, —
Но, может быть, в стране далекой
Я вдруг услышу твой привет.

В долине иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворот,
Напрасно странник, озираясь,
Другого голосом зовет.

Но смерклось, — над стеною черной
Горят извивы облаков, —
И там, внизу, с тропы нагорной
Ему прощальный слышен зов.

Середина 50-х гг.

* * *

Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли
И повторять тебе: «люблю».

Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать — и умереть!

1862(?)

* * *

В благословенный день, когда стремлюсь
душою
В блаженный мир любви, добра
и красоты,
Воспоминанье выносит предо мною
Нерукотворные черты.

Пред тенью милою коленопреклоненный,
В слезах молитвенных я сердцем оживу
И вновь затрепещу, тобою
просветленный, —
Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
На имя нежное твое.

<1857>

ЗЕВС

Шум и гам, — хохочут девы,
В медь колотят музыканты,
Под визгливые напевы
Скачут, пляшут корибанты.

В кипарисной роще Крита
Вновь заплакал мальчик Рея,
Потянул к себе сердито
Он сосцы у Амальтеи.

Юный бог уж ненавидит,
Эти крики местью дышат, —
Но земля его не видит,
Небеса его не слышат.

15 ноября 1859

К СИКСТИНСКОЙ МАДОННЕ

Вот сын ее, — он — тайна Иеговы —
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земли под облаками,
На воздухе нетленные покровы.

И, преклонись, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева, не смущенных:
Здесь угасает пред тобой тревога.

Такой тебе, Рафаэль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен — царицею небесной!

1864(?)

МУЗЕ

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храни твою свободу,
Непосвященных и к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

<1882>

* * *

Не смейся, не дивися мне,
В недоуменье детски грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.

Не много листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горлинки в дупле.

1884

* * *

День проснется — и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия
Все, что вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчат песнопенья, —
Но в зыбучих струях ты найдешь
Разве ласковой думы волненья,
Разве сердца напрасную дрожь.

<1884>

* * *

— Ты был для нас всегда вон той скалою,
Взлетевшей к небесам, —
Под бурями, под ливнем и грозою
Невозмутимый сам.

Защищены от севера тобою,
Над зеркалом наяд
Росли мы здесь веселою семьею, —
Цветущий вертоград.

И вдруг вчера — тебя я не узнала:
Ты был как божий гром...
Умолкла я, — я вся затрепетала
Перед твоим лицом.

— О да, скала молчит; но неужели
Ты думаешь: ничуть
Все бури ей, все ливни и метели
Не надрывают грудь?

Откуда же — ты помнишь — это было:
Вдруг землю потрясло,
И что-то в ночь весь сад проборороздило,
И следом все легло?

И никому не рассказало море,
Чтò кануло ко дну, —
А то скала свое былое горе
Швырнула в глубину.

2 июня 1883

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
  Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
  Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
  Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
  И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
  Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
  И улечу.

<1884>

* * *

С бородою седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец,
И нетленною солью горячих речей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту детскую грудь рассеку я потом
Вдохновенного слова звенящим мечом,
И раскроет потомку минувшего мгла,
Что на свете всех чище ты сердцем была.

<1884>

* * *

— Ты так любишь гулять;
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зоря — вет их нежней,
И таких уж ночей
Не дождешься.

— Милый мой, мне невмочь,
Истомилась, всю ночь
Тосковала.
Я бежала к прудам,
А тебя я и там
Не сыскала.

Но уж дальше к пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты.
Там над самой водой
Страняый, черный, кривой
Пень ракиты.

И не вижу я пня,
И хватает меня
Страх напрасный, —
Так и кажется мне,
Что стоит при луне
Тот ужасный!

1883

* * *

Говорили в древнем Риме,
Что в горах, в пещере темной,
Богоравная Сивилла
Вечно-юная живет,
Что ей всё открыли боги,
Что̀ в груди чужой сокрыто,
Что̀ таит небесный свод.

Только избранным доступно,
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародейки созерцать.
В ясном зеркале ты можешь,
Взор в глаза свои вперяя,
Ту богиню увидать.

Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На пороге черной двери —
На нее тогда смотри!
Но когда заслышишь песню,
Вдохновенную тобою, —
Эту дверь мне отопри.

3 апреля 1883

ВОЛЬНЫЙ СОКОЛ

Не воскормлён ты пищей нежвой,
Не унесен к зиме в тепло,
И каждый час рукой прилежной
Твое не холено крыло.

Там, над скалой, вблизи лазури,
На умирающем дубу,
Ты с первых дней изведал бури
И с ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу
И зной, и голод, и гроза,
И восходящему светилу
Глядел ты за море в глаза.

Зато, когда пора приспела,
С гнезда ты крылья распустил
И, взмахам их доверясь смело,
Ширяясь, пò небу поплыл.

<1884>

* * *

Не вижу ни красы души твоей нетленной,
Ни пышных локонов, ни ласковых очей,
Помимо и гляжу на жребий отдаленный
И слышу приговор безжалостных людей.

И только чувствую, что ты вот тут —
со мною,
Со мной! — и молодость, и суетную честь,
И все, чем я дышал, — блаженною мечтою
Лечу к твоим ногам младенческим
принесть.

<1884>

* * *

Ныне первый мы слышали гром,
Вот повеяло сразу теплом,
И пришло мне на память сейчас,
Как вчера ты измучила нас.
Целый день, холодна и бледна,
Ты сидела безмолвно одна;
Вдруг ты встала, ко мне подошла
И сказала, что все поняла:
Что напрасно жалеть о былом,
Что нам тесно и тяжко вдвоем,
Что любви затерялась стезя,
Что так жить, что дышать так нельзя,
Что ты хочешь — решилась — и вдруг
Разразился весенний недуг,
И, забывши о грозных словах,
Ты растаяла в жарких слезах.

<1883>

МУЗА

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
Пушкин

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня, —
Зови из бездны Тизифону.

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.

Когда, бесчинствами обиженный опять,
В груди заслышишь зов к рыданью, —
Я ради мук твоих не стану изменять
Свободы вечному призванью.

Страдать! — Страдают все — страдает темный зверь,
Без упованья, без сознанья, —
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
Где радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома.
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?

К чему противиться природе и судьбе? —
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки.

8 мая 1887

* * *

Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверное ты!

13 декабря 1886

* * *

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, —
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть, —
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!

<1885>

* * *

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный
запах;
Так, для безбрежного покинув скудный
дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных
лапах.

11 июня 1887

* * *

Ты помнишь, что было тогда,
Как всюду ручьи бушевали
И птиц косяками стада
На север, свистя, пролетали,

И видели мы средь ветвей,
Еще не укрытых листами,
Как, глазки закрыв, соловей
Блаженствовал в песне над нами.

К себе зазывала любовь
И блеском и страстью пахучей,
Не только весельем дубов,
Но счастьем и ивы плакучей.

Взгляни же вокруг ты теперь:
Все грустно молчит, умирая,
И настежь раскинута дверь
Из прежнего светлого рая.

И новых приветливых звезд
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнезд,
Взалкали усталые птицы.

Не может ничто устоять
Пред этой тоской неизбежной,
И скоро пустынную гладь
Оденет покров белоснежный.

6 сентября 1885

* * *

Если радует утро тебя,
Если в пышную веришь примету, —
Хоть на время, на миг полюбя,
Подари эту розу поэту.

Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грозу, —
Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.

10 января 1887

РЕБЕНКУ

Я слышу звон твоих речей,
Куда резвиться ни беги ты.
Я вижу детский блеск очей
И запылавшие ланиты.

Постой, — шалить не долгий срок:
Май остудить тебя сумеет,
И розы пурпурный шипок,
Вдруг раскрываясь, побледнеет.

18 апреля 1886

* * *

Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой
поник, —
У дыханья цветов есть понятный язык:
Если ночь унесла много грез, много слез,
Окружусь я тогда горькой сладостью роз,
Если тихо у нас и не веет грозой,
Я безмолвно о том намекну резедой;
Если нежно ко мне приласкалася мать,
Я с утра уже буду фиалкой дышать;
Если ж скажет отец «не грусти, —
я готов», —
С благовоньем войду апельсинных цветов.

3 августа 1887

ГОРНАЯ ВЫСЬ

Превыше туч, покинув горы
И наступя на темный лес,
Ты за собою смертных взоры
Зовешь на синеву небес.

Снегов серебряных порфира
Не хочет праха прикрывать;
Твоя судьба — на гранях мира
Не снисходить, а возвышать.

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска;
У ног твоих, как дым кадильный,
Виясь, тают облака.

Июль 1886

* * *

Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
Все росинки под ними жемчужин.

Выходи, красота, не робей!
Звуки есть, дорогие есть краски:
Это все я, поэт-чародей,
Расточу за мгновение ласки.

Но когда ты приколешь цветок,
Шаловливо иль с думой лукавой,
И, как в дымке, твой кроткий зрачок
Загорится сердечной отравой,

И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею, —
О, как беден, как жалок тогда,
Как беспомощен я пред тобою!

1 февраля 1887

* * *

Долго снились мне вопли рыданий
твоих, —
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный
миг,
Как тебя умолил я — несчастный палач.

Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, — и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки
слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

2 апреля 1886

* * *

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

9 июня 1886

* * *

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

1855

* * *

Через тесную улицу здесь, в высоте,
Отворяя порою окошко,
Я не раз, отдаваясь лукавой мечте,
Узнаю тебя, милая крошка.

Все мне кажется, детски застенчивый взор
Загорается вдруг не напрасно,
И ко мне наклоненный твой пышный пробор
Я уж вижу не слишком ли ясно?

Вот и думаю: встретиться нам на земле
Далеко так, пожалуй, и низко,
А вот здесь-то, у крыш, в набегающей мгле,
Так привольно, так радостно-близко!

6 июня 1887

* * *

В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханье весны всепобедной
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
Ты о любви нашей робкой и бедной.

Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетлеющим закатом
В тихом заливе себя повторяет.

Что же тут мы или счастие наше?
Как и помыслить о нем не стыдиться?
В блеске, какого нет шире и краше,
Нужно безумствовать — или смириться!

Январь 1886

* * *

Ты вся в огнях. Твоих зарниц
И я сверканьями украшен;
Под сенью ласковых ресниц
Огонь небесный мне не страшен.

Но я боюсь таких высот,
Где устоять я не умею.
Как сохранить мне образ тот,
Что придан мне душой твоею?

Боюсь — на бледный облик мой
Падет твой взор неблагосклонный,
И я очнусь перед тобой
Угасший вдруг и опаленный.

3 августа 1886

* * *

Вечный хмель мне не отрада —
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
Одуряющую кровь.

Но порой резво̀ и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несет бутылка
Золотистую струю.

Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И в стакан шумящий льется
Искрометное вино.

29 июля 1887

* * *

Сегодня день твой просветленья,
И на вершине красоты
Живую тайну вдохновенья
Всем существом вещаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь с поэтом ты вдвоем, —
А завтра, верно, мы друг друга
И не найдем и не поймем.

Так, невозможно-несомненно,
Огнем пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
Чертогов ярких тает дым.

19 июня 1887

ОБРОЧНИК

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду — и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою — и помыслам неведом детский страх:
Пускай на пенье мне ответит воем
звери, —
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной
двери.

17 сентября 1889

* * *

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О таинствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?

— Томлюся и пою. Ты слушаешь
и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух
живет.
Так в хоре молодом *«Ах, слышишь,
разумеешь!»* —
Цыганка старая одна еще поет.

4 января 1888

* * *

Только что спрячется солнце,
Неба затеплив красу,
Тихо к тебе под оконце
Песню свою понесу.

Чистой я вольной душою,
Ясной и свежей, как ночь,
Смейся над песнью больною,
Прочь отгоняй ее, прочь!

Как бы за легким вниманьем
В вольное сердце дотоль
Вслед за живым состраданьем
Та же не вкралася боль!

14 января 1888

QUASI UNA FANTASIA [1]

Сновиденье,
Пробужденье,
Тает мгла.
Как весною,
Надо мною
Высь светла.

Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,
Без усилий
С плеском крылий
Залетать

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я
Ваших битв.

31 декабря 1889

---

[1] Вроде фантазии (*итал.*).

РАКЕТА

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся пред тобой
Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел — лелеять грезы
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слезы.

* * *

Упреком, жалостью внушенным,
Не растравляй души больной;
Позволь коленопреклоненным
Мне оставаться пред тобой!

Горя над суетной землею,
Ты милосердно разреши
Мне упиваться чистотою
И красотой твоей души.

Глядеть, каким прозрачным светом
Окружена ты на земле,
Как божий мир при свете этом
В голубоватой тонет мгле!

О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив!

31 января 1888

АЛМАЗ

Не украшать чело царицы,
Не резать твердое стекло,
Те разноцветные зарницы
Ты рассыпаешь так светло.

Нет! В переменах жизни тленной
Среди явлений пестрых — ты
Всё лучезарный, неизменный
Хранитель вечной чистоты.

9 февраля 1888

* * *

Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
Средь непрестанных колебаний?

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
Где я возьму небесной краски?

В усердных поисках все кажется: вот-вот
Приемлет тайна лик знакомый, —
Но сердца бедного кончается полет
Одной бессильною истомой.

26 февраля 1888

ЗНОЙ

Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейке вдвоем?

Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить — невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.

И как будто истомою жадной
Нас весна на припеке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

29 мая 1888

* * *

Теснее и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты — в сердце с румянцем стыда,
Я — луч твой, летящий далеко.

На горы во мраке ночном,
На серую тучку заката,
Как кистью, я этим лучом
Наброшу румянца и злата.

Напрасно холодная мгла,
Чернея, все виснет над нами, —
Пускай и безбрежность сама
От нас загорится огнями.

4 сентября 1888

* * *

Роями поднялись крылатые мечты
В весне кругом себя искать душистой
пищи,
Но на закате дня к себе, царица, ты
Их соберешь ко сну в таинственном
жилище.

А завтра на заре вновь крылья
зажужжат,
Чтобы к незримому, к безвестному
стремиться:
Где за ночь расцвело, где первый
аромат —
Туда перенестись и в пышной неге
скрыться.

17 февраля 1889

ОНА

Две незабудки, два сапфира —
Ее очей приветный взгляд,
И тайны горного эфира
В живой лазури их сквозят.

Ее кудрей руно златое
В таком свету, какой один,
Изображая неземное,
Сводил на землю Перуджин.

20 марта 1889

НА КАЧЕЛЯХ

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!

26 марта 1890

К НЕЙ

Кто постигнет улыбку твою
И лазурных очей выраженье,
Тот поймет и молитву мою
И восторженных уст песнопенье.

День смолкает над жаркой землей,
И, нетленной пылая порфирой,
Вот он сам, Аполлон молодой,
Вдаль уходит с колчаном и лирой.

Пусть ты отблеск, пленяющий нас,
Пусть за ним ты несешься мечтою,
Но тебе — наш молитвенный час,
Что слетает к нам в душу с зарею.

21 апреля 1890

* * *

Была пора, и лед потока
Лежал под снежной пеленой,
Недосягаемо для ока
Таился речки бег живой.

Пришла весна, ее дыханье
Над снежным пронеслось ковром,
И стали видны содроганья
Струи, бегущей подо льдом.

И близки дни, когда все блага
К нам низведет пора любви
И мне зарей раскроет влага
Объятья чистые свои.

1 апреля 1890

* * *

Давно ль на шутки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вот сурово замолчала,
Тепло участия пропало,
И на душе ее зима.

— Друг, не зови ее суровой.
Что снегом ты холодным счел —
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной душистый цвет садовый,
Весенний вздох и счастье пчел.

22 апреля 1890

* * *

Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!
На цвет, проглянувший едва,
Смотреть при тебе мне завидно.

Вот роза раскрыла уста, —
В них дышит моленье немое,
Чтоб ты пребывала чиста,
Как сердце ее молодое.

Вот, нежа дыханье и взор,
От счастия роза увяла
И свой благовонный убор
К твоим же ногам разроняла.

Начало октября 1889

* * *

Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдруг приобрела.

Твой взор открытей и бесстрашней,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
И соучастница греха.

11 ноября 1890

* * *

Если б в сердце тебя я не грел,
не ласкал,
Ни за что б я тебе этих слов не сказал;
Я боялся б тебя возмутить, оскорбить
И последнюю искру в тебе погасить.

Или воли не хватит смотреть и страдать?
Я бы мог еще долго и долго молчать, —
Но, начав говорить о другом, — я солгу,
А глядеть на тебя я и лгать — не могу.

18 января 1891

* * *

Весь вешний день среди стремленья
Ты безотрадно провела
И след улыбки утомленья
В затишье ночи принесла.

Но, верить и любить готова,
Душа к стопам твоим летит,
И все мне кажется, что снова
Живее цвет твоих ланит.

Кто, сердцеведец, разгадает —
Что в этом кроется огне?
Былая скорбь, что угасает,
Или заря навстречу мне?

21 января 1891

* * *

Безобиднее всех и проще
В общем хоре голосистом
Вольной птицей в вешней роще
Раздражал я воздух свистом.

Все замолкло пред зимою,
Нет и птиц на голой ветке,
Но, счастливец, — я тобою
В золотой задержан клетке.

Дай мне ручку, дорогая, —
К ней прильнуть трепещут крылья!
Пусть умру я, распевая,
От восторгов и усилья.

22 января 1891

* * *

Завтра — я не различаю;
Жизнь — запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный?

Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня — стыдно,
А безумствовать — разумно.

25 января 1891

* * *

Я слышу — и судьбе я покоряюсь
грозной,
Давно я сам себе сказал:
не прекословь:
Но перед жертвою покорною и слезной
Зачем же замолчать совсем должна
любовь?

Пусть радость хоть на миг не слышит
порицанья,
Пусть завтра — строгий чин,
все тот же, как вчера, —
Но ныне страсть в глазах, и долгие
лобзанья,
И пламенных надежд отважная игра!

27 февраля 1891

* * *

Роящимся мечтам лететь дав волю
К твоим стопам,
Тебя никак смущать я не дозволю
Любви словам.

Я знаю, мы из разных поколений
С тобой пришли,
Несходных слов и розных откровений
Мы принесли.

Перед тобой во храмине сердечной
Я затворюсь
И юности ласкающей и вечной
В ней помолюсь.

14 мая 1891

* * *

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет
ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих
на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это всё — цветы, букашки и каменья,
Каких ребенок рад набрать со всех
сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так
счастлив он.

29 мая 1891

* * *

Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохн, без радости слезы;
Что было сладко — горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы.

Оставь меня, смешай с толпою!
Но ты отвернулась, а сетуешь, видно,
И все еще больна ты мною...
О, как же мне тяжко и как мне обидно!

24 июня 1891

МЕСЯЦ И РОЗА

Он

Встал я рано над горой,
Чтоб расцвет увидеть твой,
И гляжу с мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь,
Но навстречу мне твой куст
Не вскрывает алых уст.

Она

Не сравнится вздох ничей
С чистотой твоих лучей,
Но не им будить меня:
Жду лобзаний жарких дня,
Жду венчанного царя;
Для него таит заря
Благовонные красы
Под алмазами росы.

25 сентября 1891

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что̀ мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приаетствуешь ты.

4 ноября 1891

ПОЧЕМУ?

Почему, как сидишь озаренной,
Над работой пробор наклоня,
Мне сдается, что круг благовонный
Все к тебе приближает меня?

Почему светлой речи значенья
Я с таким затрудненьем ищу?
Почему и простые реченья
Словно томную тайну шепчу?

Почему как горячее жало
Чуть заметно впивается в грудь?
Почему мне так воздуху мало,
Что хотел бы глубоко вздохнуть?

3 декабря 1891

* * *

Не отнеси к холодному бесстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу;
Ступенями к томительному счастью
Не меньше я, чем счастьем, дорожу.

С собой самим мне сладко лицемерить,
Хоть я давно забыл о всем ином,
И верится, и не хочу я верить,
Что нет преград, что мы одни вдвоем.

Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щеке;
Жужжанье пчел над яблоню душистой
Отрадней мне замолкнувших в цветке.

15 февраля 1892

* * *

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь, — хоть молча
не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

16 февраля 1892

* * *

Рассыпаяся смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,
Пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый
И победный призыв узнаю.

И когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я все без речей понимаю
И к чему призывает — могу!

13 марта 1892

* * *

Когда смущенный умолкаю,
Твоей суровостью томим,
Я все в душе не доверяю
Холодным колкостям твоим.

Я знаю, иногда в апреле
Зима нежданно набежит
И дуновенье метели
Колючим снегом закружит.

Но миг один — и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.

26 марта 1892

* * *

Она ему — образ мгновенный,
Чарующий ликом своим,
Он — помысл ее сокровенный;
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

И, словно велением рока,
Их юные крылья несут...
Так теплится счастье далеко,
Так холоден ближний, родимый приют!

Пред ним — сновидение рая,
Всевластный над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

3 апреля 1892

* * *

Ночь лазурная смотрит на скошенный
луг.
Запах роз под балконом и сена вокруг;
Но зато ль, что отрады не жду
впереди, —
Благодарности нет в истомленной груди.

Все далекий, давнишний мне чудится
сад, —
Там и звезды крупней, и сильней
аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна.

Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый
опять
О восторге свиданья готов прошептать.

12 июня 1892

* * *

Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым,
Как стихийная волна
Над душой одна вольна.

Но зато люблю я днем,
Как замолкнет все кругом,
Различать, раздумья полн,
Тихий плеск житейских волн,
Не меня гнетет волна,
Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
«Это я!» Но я молчу.

15 сентября 1892

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭЛЕГИИ И ДУМЫ

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

ВЕСНА

ЛЕТО

ОСЕНЬ

СНЕГА

ГАДАНИЯ

МЕЛОДИИ

ВЕЧЕРА И НОЧИ

БАЛЛАДЫ

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МОРЕ

ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Афанасий Афанасьевич
Фет

СТИХОТВОРЕНИЯ

Заведующий редакцией
И. Лепин
Редактор *Н. Гашева*
Литературный консультант *В. Шеншин*
Художественный редактор *М. Курушин*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректор *Л. Крамаренко*

ИБ № 1195

Сдаио в набор 22.02.84. Подписано в печать 3.12.84. Формат 70×108¹/₆₄. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,40. Уч.-изд. л. 12,306. Тираж 300 000 экз. Второй завод 150 001—300 000 экз. Заказ № 474. Цена 1 р. 40 к. Пермское книжиое издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Фет А. А.

Ф45 Стихотворения. — Пермь: Кн. изд-во, 1985. — 361 с.

Сборник стихотворений классика русской поэзии.

Ф $\frac{70401-11}{М152(03)-85}$ 33—85 Р1